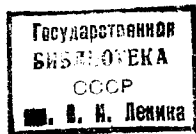

262
782
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ЭДГАРА ПО
ВЪ ПЕРЕВОДѢ СЪ АНГЛІЙСКАГО
К. Д. БАЛЬМОНТА ТОМЪ ТРЕТІЙ

СТРАШНЫЕ РАЗСКАЗЫ,
ГРОТЕСКИ

МОСКВА 1911
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПИОНЪ“

13190-61

МОСКВА, —1911.

Товарищество типографии А. И. Мамонтова.
Леонтьевский пер., д. № 5.

2010513157

ТАЙНА МАРИ РОЖЭ *).

Продолженіе къ „Убійству въ улицѣ Моргъ“.

Es giebt eine Reihe idealischer Begebenheiten, die der Wirklichkeit parallel lauft. Selten fallen sie zusammen. Menschen und Zufälle modificiren gewöhnlich die idealische Begebenheit, so dass sie unvollkommen erscheint, und ihre Folgen gleichfalls unvollkommen sind. So bei der Reformation; statt des Protestantismus kam das Lutherthum hervor.

Существуетъ рядъ идеальныхъ событій, которыя совершаются параллельно дѣйствительности. Рѣдко совпадаютъ они. Люди и обстоятельства обыкновенно видоизмѣняютъ идеальное событіе такъ, что оно является несовершеннымъ, и слѣдствія его равнымъ образомъ несовершенны. Такъ съ Реформаціей; вмѣсто Протестантизма получилось Лютеранство. — *Novalis — Moral Ansichten.*

Мало есть людей, даже среди самыхъ спокойныхъ мыслителей, которые, вздрогнувъ, не прониклись бы смутной, но трепетной полу-вѣрою въ сверхъестественное,

*) Послѣ первичнаго опубликованія „Marie Rogét“, примѣчанія, нынѣ приложенныя, были сочтены ненужными; но рядъ

благодаря *совпаденіямъ*, характера, повидимому, столь чудеснаго, что какъ *простыя* совпаденія разумъ былъ не способенъ ихъ принять. Такія чувства—ибо полувѣрова-нія, о которыхъ я говорю, никогда не имѣютъ полной силы *мысли*—такія чувства рѣдко могутъ быть пѣликомъ подавлены, развѣ что прибѣгнешь къ доктринѣ случая, или, какъ она технически именуется, къ Исчисленію Вѣроятій. Но это Исчисленіе въ сущности своей есть чисто математическое; и такимъ образомъ, передъ нами возникаетъ аномалія—то, что есть наиболѣе строго-точного въ знаніи, примѣняется въ умозрѣніи къ тѣни и духовности наиболѣе неосязаемой.

лѣтъ протекшихъ со времени трагедіи, на которой основанъ рассказъ, побуждаетъ дать ихъ здѣсь, а также заставляетъ сказать нѣсколько словъ въ изъясненіе общаго замысла. Молодая дѣвушка *Мэри Сесилія Роджерсъ* была убита въ окрестностяхъ Нью-Йорка; и хотя ея смерть вызвала напряженное длительное волненіе, тайна, сопровождавшая ее, оставалась неразрѣшенной въ то время, когда данный очеркъ былъ написанъ и напечатанъ (Ноябрь, 1842 года). Здѣсь, подѣ предлогомъ разсказа о судьбѣ Парижской *гизетки*, авторъ протѣдилъ, въ существенномъ, дѣйствительное убійство Мэри Роджерсъ до мелкихъ его подробностей, между тѣмъ какъ факты несущественные отмѣчены лишь простою параллелью. Такимъ образомъ весь аргументъ, основанный на вымыслѣ, приложимъ къ правдѣ; и разслѣдованіе правды было задачей.

Разсказъ „*Mystery of Marie Rogêt*“ былъ написанъ въ отдаленности отъ мѣста преступленія, и безъ другихъ средствъ разслѣдованія, кромѣ тѣхъ, которыя были доставляемы газетами. Такимъ образомъ, многое ускользнуло отъ автора изъ того, чѣмъ онъ могъ бы воспользоваться, если бы онъ былъ на мѣстѣ и имѣлъ возможность лично осмотрѣть обстановку, въ которой совершилось преступленіе. Быть можетъ, не неумѣстно однако же, напомнить, что признанія *двухъ* лицъ (одна изъ нихъ—*Мадамъ Делюкъ* повѣствованія), сдѣланныя въ различное время, много спустя послѣ опубликованія разсказа, подтвердили цѣликомъ, не только общее заключеніе, но безусловно *всѣ* главные гипотетическія подробности, съ помощью которыхъ это заключеніе было получено.

Чрезвычайныя подробности, которыя я нынѣ приглашень опубликовать, какъ найдуть читатели, образуютъ, поскольку они касаются послѣдовательности во времени, первичную вѣтвь цѣлаго ряда едва постижимыхъ *совпадений*, вторичную, или заключительную вѣтвь которыхъ все читатели узнають въ недавнемъ убійствѣ Мэри Сеспли Роджэрсъ въ Нью-Йоркѣ.

Когда въ очеркѣ, озаглавленномъ „Убійство въ улицѣ Моргъ“, я попытался, около года тому назадъ, обрисовать весьма примѣчательныя черты въ умственномъ ликѣ моего друга, Кавалера Ш. Огюста Дюпена, мнѣ не приходило въ голову, что я когда-нибудь снова вернусь къ данному сюжету. Моимъ замысломъ было нарисовать этотъ характеръ; и таковой замыселъ былъ вполне выполненъ указаніемъ на причудливую цѣпь обстоятельствъ, вырисовавшихъ особливую черту Дюпена. Я могъ бы прибавить другіе примѣры, но большаго бы я ничего не доказалъ. Недавнія событія, однако, въ удивительномъ ихъ развитіи, рѣзко вовлекли меня въ нѣкоторыя дальнѣйшія детали, которыя будутъ имѣть видъ вынужденной исповѣди. Послѣ того какъ я слышалъ то, что я за послѣднее время слышалъ, было бы, на самомъ дѣлѣ, страннымъ, если бы я продолжалъ оставаться безмолвнымъ относительно того, что я видѣлъ и слышалъ уже такъ давно.

Послѣ того какъ трагедія, связанная со смертями Madame Л'Эспанэ и ея дочери, разрѣшилась, Дюпенъ сразу отбросилъ это дѣло отъ своего вниманія, и впалъ въ прежнія свои привычки своенравной мечтательности. Будучи во всякое время наклоненъ къ отвлеченному, я охотно подчинился его настроенію; и продолжая занимать наше помѣщеніе въ Сэнъ-Жерменскомъ предмѣстьи, мы представили Будущее всеѣмъ вѣтрамъ, и спокойно задремали въ Настоящемъ, превращая скучный міръ вокругъ насъ въ пряжу сновъ.

Но эти сны не были вполне непрерывными. Легко понять, что та роль, которую сыгралъ мой другъ въ драмѣ улицы Моргъ, не преминула оказать свое впечатлѣніе на воображеніе Парижской полиціи. Среди ея эмиссаровъ имя Дюпена сдѣлалось повседневымъ словомъ. Простой характеръ тѣхъ наведеній, съ помощью которыхъ онъ распуталъ тайну, никогда не былъ объясненъ даже Префекту, и вообще никому другому, кромѣ меня, и такимъ образомъ, ничего, конечно, нѣтъ удивительнаго въ томъ, что дѣло это разсматривалось какъ нѣчто почти что чудесное, и что аналитическія способности Дюпена снискали ему славу дивнаго дара интуиціи. Его чистосердечность, конечно, побудила бы его разочаровать каждого, кто сталъ бы его вопрошать о данной ошибкѣ; но его безпечный характеръ возбранялъ ему всякое дальнѣйшее возбужденіе интереса въ той области, которая для него самого давно уже перестала быть интересной. Такимъ образомъ случилось, что онъ сталъ магнитомъ для полицейскихъ глазъ; и не разъ возникали случаи, когда дѣлался попытка воспользоваться его услугами въ Префектурѣ. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ было убійство молодой дѣвушки по имени Мари Рожэ.

Событіе это случилось года два спустя послѣ жестокаго преступленія въ улицѣ Моргъ. Мари, имя которой и фамилія сразу привлекутъ вниманіе своимъ сходствомъ съ именемъ и фамиліей „несчастной дѣвушки съ сигарами“, была единственной дочерью вдовы Эстель Рожэ. Отецъ ея умеръ, когда она была еще ребенкомъ, и со времени его смерти до періода въ восемнадцать мѣсяцевъ, предшествовавшаго убійству, которое составляетъ предметъ нашего повѣствованія, мать и дочь жили вмѣстѣ на rue Pavée Sainte Andrée *); мать держала пансіонъ, Мари помогала ей. Такъ все шло своимъ порядкомъ, пока

*) Nassau Street.

дѣвушкѣ не минулъ двадцать одинъ годъ; въ это время красота ея обратила на себя вниманіе парфюмера, который занималъ одну изъ лавокъ, что находятся въ первомъ этажѣ Палэ Ройяля, и покупатели котораго состояли, главнымъ образомъ, изъ отчаянныхъ искателей приключеній, заражающихъ собою окрестныя улицы. Monsieur Ле-Бланъ *) не зналъ, какія выгоды могутъ быть извлечены его парфюмернымъ магазиномъ изъ услугъ красивой Мари; и его щедрыя предложенія были охотно приняты дѣвушкой, хотя въ Madame Рожэ они вызвали болѣе колебаній.

Чаянія парфюмера осуществились, его магазинъ вскорѣ сталъ знаменитымъ, благодаря очарованіямъ блистательной *гризетки*. Она служила у него около года, какъ вдругъ ея поклонники были смущены внезапнымъ ея исчезновеніемъ изъ лавки. Monsieur Ле-Бланъ не могъ объяснить ея отсутствія, а Madame Рожэ была совершенно какъ безумная отъ тревоги и страха. Газеты немедленно заговорили объ этомъ, и полиція намѣревалась сдѣлать серьезное разслѣдованіе, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, по истеченіи недѣли, Мари, въ добромъ здравіи, но съ нѣсколько опечаленнымъ видомъ, вновь появилась на своемъ обычномъ мѣстѣ, за конторкою парфюмернаго магазина. Всякое разслѣдованіе, кромѣ распросовъ личнаго характера, было немедленно прекращено Monsieur Ле-Бланъ, какъ и прежде, говорилъ о полномъ своемъ невѣдѣніи. Мари, за одно съ Madame Рожэ, отвѣчала на всѣ вопросы, что послѣднюю недѣлю она провела въ домѣ у родственниковъ, за городомъ. Такимъ образомъ, дѣло это залгло, и всѣми было забыто, ибо дѣвушка, очевидно, чтобы освободиться отъ назойливаго любопытства, вскорѣ окончательно распростилась съ парфюмеромъ, и укрылась въ помѣщеніи матери на улицѣ Сэнтъ-Андрэ.

*) Anderson.

Было около пяти мѣсяцевъ послѣ ея возвращенія домой, какъ друзья ея вторично были встревожены внезапнымъ ея исчезновеніемъ. Прошло три дня, ничего не было о ней слышно. На четвертый день тѣло ея было найдено плавающимъ въ Сенѣ *), недалеко отъ берега, какъ разъ противъ квартала улицы Сэнтъ-Андрэ, и въ мѣстѣ, не очень далеко отстоящемъ отъ уединенныхъ окрестностей *Barrière du Roule* **).

Жестокость этого убійства (потому что сразу было видно, что здѣсь совершено было убійство), юность и красота жертвы, и прежде всего, ея предварительная извѣстность, все какъ бы сговорилось для того, чтобы создать напряженное возбужденіе въ умахъ впечатлительныхъ Парижанъ. Я не могу припомнить, чтобы какой-нибудь подобный случай произвелъ такое всеобщее и такое глубокое впечатлѣніе. Въ теченія нѣсколькихъ недѣль разговоръ объ этомъ былъ одной захватывающей темой, и даже политическія бесѣды даннаго дня были забыты. Префектъ явилъ необыкновенныя усилія; и вся Парижская полиція была, конечно, поставлена на ноги.

Какъ только трупъ былъ открытъ, всѣ рѣшили, что убійца, развѣ на самое короткое время, можетъ избѣгнуть, немедленно предпринятыхъ, розысковъ. Лишь по истеченіи недѣли было сочтено необходимымъ предложить вознагражденіе; и даже тогда это вознагражденіе ограничилось тысячею франковъ. Тѣмъ временемъ, слѣдствіе продолжалось съ энергіей, если не съ надлежащимъ смысломъ, и многочисленные свидѣтели были допрошены безъ какихъ-либо результатовъ; между тѣмъ, благодаря продолжающемуся отсутствію какой-либо разгадки этой тайны, возбужденіе публики сильно возросло. Въ концѣ десятиаго дня, было сочтено подходящимъ удвоить сумму, первоначально предложенную; и наконецъ, когда вторая

*) The Hudson.

**) Weehawken.

недѣля прошла безъ того, чтобы что-либо было открыто, и когда предрасположеніе противъ Полиціи, всегда существующее въ Парижѣ, проявилось въ рядѣ серьезныхъ *безпорядковъ*, Префектъ, отъ своего имени, предложилъ сумму въ двадцать тысячъ франковъ „за указаніе убійцы“, или, если въ преступленіи запутано нѣсколько чловѣкъ, „за указаніе хотя бы одного изъ убійцъ“. Въ объявленіи, возвѣщавшемъ это вознагражденіе, полное прощеніе было обѣщано всякому соучастнику, который выступилъ бы со свидѣтельствомъ противъ своего сотоварища; и ко всему этому, гдѣ бы ни появлялось объявленіе, присоединялось частное сообщеніе отъ комитета гражданъ, предлагающее десять тысячъ франковъ въ придачу къ суммѣ, предложенной Префектурой. Общая цифра вознагражденія была, такимъ образомъ, не менѣе, чѣмъ тридцать тысячъ франковъ, что должно быть сочтено суммою чрезвычайной, если мы примемъ во вниманіе скромное общественное положеніе дѣвушки, и заурядную вторность, въ большихъ городахъ, такихъ преступленій, какъ описанное.

Никто не сомнѣвался, что тайна этого убійства немедленно будетъ разоблачена. Но, хотя были сдѣланы два три ареста, обѣщавшіе разъясненіе, ничего не было разъяснено такого, что могло бы подтвердить подозрѣнія, и арестованные были выпущены. Какъ это ни странно могло бы показаться, прошло уже три недѣли со времени открытія тѣла, и прошли они, не бросивъ ни малѣйшаго свѣта на дѣло, прежде чѣмъ, хотя бы слухъ объ этихъ событіяхъ, волновавшихъ умы общества, достигъ до Дюпена или меня. Будучи всецѣло поглощены нашими изученіями, вотъ уже почти мѣсяцъ какъ мы оба не выходили, насъ никто за это время не навѣстилъ, и мы еле заглянули въ какія-нибудь руководящія политическія статьи ежедневныхъ газетъ. Первое свѣдѣніе объ убійствѣ принесъ намъ, самолично, Ж—. Онъ зашелъ къ намъ

рано пополудни 13 Іюля 18— года, и оставался съ нами до поздней ночи. Онъ былъ пикированъ неудачею всѣхъ своихъ попытокъ откопать убійцъ. Его репутація — такъ сказалъ онъ съ особеннымъ Парижскимъ видомъ — была поставлена на карту. Самая честь его была затронута. Глаза публики были обращены на него; и, по-истинѣ, не было жертвы, которой онъ не захотѣлъ бы сдѣлать для выясненія тайны. Онъ закончилъ свою, нѣсколько потѣшную, рѣчь комплиментомъ тому, что ему было благоугодно наименовать *тактомъ* Дюпена, и сдѣлалъ ему прямое, и несомнѣнно щедрое, предложеніе, точный характеръ котораго я не чувствую себя свободнымъ разоблачить, но которое не имѣетъ прямой связи съ собственнымъ предметомъ моего повѣствованія.

Мой другъ отклонилъ комплиментъ какъ только могъ, предложеніе же принялъ сразу, хотя выгоды отъ него были всецѣло условными. Какъ только этотъ пунктъ былъ установленъ, Префектъ немедленно пустился изъяснять свои собственные взгляды, перемѣшивая изъясненія съ длинными истолкованіями свидѣтельскихъ показаній, намъ еще невѣдомыхъ. Онъ разсуждалъ долго и, безъ сомнѣнія, весьма учено, между тѣмъ какъ я дерзалъ вставить какое-нибудь случайное замѣчаніе, пока вечеръ вяло проходилъ. Дюпенъ, плотно сидя на своемъ обычномъ креслѣ, былъ воплощеніемъ почтительнаго вниманія. За все время разговора на немъ были очки; и случайный взглядъ, брошенный мною подъ ихъ зеленыя стекла, неукоснительно убѣдилъ меня, что, хотъ и безмолвно, спалъ онъ отъ того не менѣе крѣпко, всѣ эти семь или восемь тягучихъ свинцовыхъ часовъ, предшествовавшихъ отбытію Префекта.

Утромъ я добылъ въ Префектурѣ полный отчетъ о всѣхъ полученныхъ показаніяхъ, и, въ конторахъ разныхъ газетъ, получилъ экземпляры каждаго изданія, гдѣ съ перваго дня до послѣдняго было опубликовано какое-нибудь

серьезное свѣдѣніе касательно этого прискорбнаго дѣла. Освобожденная отъ всего, ложность чего была положительно доказана, вся эта масса свѣдѣній сводилась къ слѣдующему:—

Мари Рожэ оставила жилище своей матери на улицѣ Сэнтъ-Андрэ, около девяти часовъ утра, въ Воскресенье, 22 Іюня 18— года. Выходя, она сообщила Monsieur Жаку Сэнтъ-Эсташу *), и только ему одному, о своемъ намѣреніи провести день у тетки, жившей на rue des Dromes. Улица Дромъ короткая и узкая, но людная и проѣзжая, недалеко отъ береговъ рѣки, и на разстояніи приблизительно двухъ миль, самымъ прямымъ путемъ, какимъ только можно идти отъ пансіона Madame Рожэ. Сэнтъ-Эсташъ былъ принятымъ искателемъ сердца Мари, онъ жилъ въ пансіонѣ и тамъ же завтракалъ и обѣдалъ. Онъ долженъ былъ пойти за своей невѣстой въ сумерки и проводить ее домой. Къ вечеру, однако, пошелъ сильный дождь; и, предполагая, что, она останется ночевать у своей тетки (какъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, она дѣлала раньше), онъ не счелъ необходимымъ сдержать свое обѣщаніе. По мѣрѣ того какъ ночь надвигалась, Madame Рожэ (старая, больная дама, семидесяти лѣтъ), выразила,— это слышали,—страхъ, „что она никогда болѣе не увидитъ Мари“; но на это замѣчаніе мало обратили тогда вниманія.

Въ Понедѣльникъ узнали, что дѣвушка не была на улицѣ Дромъ; и когда прошелъ день безъ вѣстей о ней, были предприняты въ разныхъ пунктахъ города, и въ его окрестностяхъ, запоздалые поиски. Однако же, лишь на четвертый день со времени ея исчезновенія, были получены касательно нея какія-нибудь удовлетворительныя свѣдѣнія. Въ этотъ день (Среда, 25 Іюня), нѣкій Monsieur Бовэ **),

*) Payne.

**) Crommelin.

который со своимъ другомъ разыскивалъ Мари около Заставы Руль, на берегу Сены, противоположномъ отъ улицы Сэнтъ-Андрэ, получилъ свѣдѣнія, что какъ разъ какіе-то рыбаки причалили къ берегу, таща за собою трупъ, который былъ найденъ плавающимъ въ рѣкѣ. Осмотрѣвъ тѣло, Бовэ, послѣ нѣкотораго колебанія призналъ въ немъ трупъ дѣвушки-парфюмерщицы. Его другъ призналъ тѣло болѣе скоро.

Все лицо было залито изнутри темной кровью, которая частью выступила изъ рта. Нѣны не было, какъ это бываетъ у просто утонувшихъ, не было также измѣненія цвѣта въ клѣточной ткани. Вокругъ горла были кровоподтеки и отпечатки пальцевъ. Руки были сложены на груди и были окоченѣлыми. Кисть правой руки была судорожно сжата; кисть лѣвой была частью открыта. Ниже лѣвой кисти были двѣ круговыя ссадины, очевидно, отъ дѣйствія веревки, или отъ того, что одна веревка была болѣе закручена, чѣмъ одинъ разъ. Часть правой кисти также была очень воспалена, а равно спина, на всемъ своемъ протяженіи, особенно же, плечевыя лопатки. Чтобы доставить тѣло къ берегу, рыбаки привязали къ нему веревку, но не это причинило какую-либо изъ ссадинъ. Мякоть шеи была очень распухшей, видныхъ порѣзовъ не было, ни кровоподтековъ, которые бы указывали на побой. Кусокъ бичевки былъ затянутъ вокругъ шеи такъ плотно, что его совершенно не было видно; онъ совершенно тонулъ въ мякоти, и былъ закрѣпленъ узломъ, находившимся какъ разъ подъ лѣвымъ ухомъ. Этого одного было бы достаточно, чтобы вызвать смерть. Врачебное свидѣтельство говорило съ увѣренностью о добродѣтельномъ характерѣ умершей. Она подверглась, сказали врачи, грубому насилію. Тѣло, когда было найдено, было въ такомъ состояніи, что не могло возникнуть затрудненій, чтобы оно было признано друзьями.

Одежда была сильно разорвана и вообще въ безпорядкѣ.

Въ платьѣ была оторвана вверхъ отъ нижней оборки до талии—не просто оборвана,—полоса около фута ширины. Она была три раза обернута вокругъ талии и закрѣплена на спинѣ нѣкотораго рода зацѣпкой. Одежда непосредственно подъ платьемъ была изъ тонкаго батиста; и отъ нея — очень ровно, и съ большимъ тщаніемъ — была оторвана узкая полоса въ восемнадцать дюймовъ. Эта полоса была обвита вокругъ ея шен, приспособлена свободно и закрѣплена тугимъ узломъ. Сверху батистовскія полосы и полосы шнурка, были привязаны завязки шляпы; шляпа висѣла тутъ же. Узелъ, которымъ были закрѣплены завязки шляпы, былъ не такой, какой дѣлають обыкновенно женщины, это была глухая петля, или, такъ называемый, матросскій узелъ. Послѣ того какъ тѣло было опознано, оно не было, какъ обычно, взято въ Моргъ (такая формальность была теперь излишней), а поспѣшно похоронено не далеко отъ того мѣста, на которомъ оно было доставлено къ берегу. Благодаря стараніямъ Бовэ, дѣло было тщательно потушено, насколько это было возможно; и нѣсколько дней прошло, прежде чѣмъ въ публикѣ обозначилось какое-либо волненіе. Все же одна ежедневная газета *) взялась за эту тему; тѣло было вырыто и подвержено новому разслѣдованію; но ничего не было обнаружено, кромѣ того, что уже было отмѣчено. Одежда, однако, была предъявлена теперь матери и друзьямъ покойницы, и они цѣлкомъ подтвердили, что это то самое платье, въ которомъ дѣвушка ушла изъ дому.

Между тѣмъ, волненіе ежечасно возростало. Нѣсколько человѣкъ было арестовано и отпущено. Сэнтъ-Эсташъ, въ особенности, возбудилъ подозрѣніе; и сначала онъ не сумѣлъ дать сколько-нибудь понятный отчетъ о своемъ времяпрепровожденіи въ то Воскресенье, когда Мари оста-

*) „The New-York Mercury“.

вила домъ. Позднѣе, однако, онъ представилъ Monsieur Ж.—показанія, изъяснявшія удовлетворительнымъ образомъ его поведеніе каждаго часа того дня. Такъ какъ время проходило, а ничего новаго болѣе не раскрывалось, стали циркулировать тысячи противорѣчивыхъ слуховъ, и журналисты изошрялись въ *догадкахъ*. Между нихъ одна, обратившая на себя наибольшее вниманіе была мысль, что Мари Роже еще жива — что трупъ, найденный въ Сенѣ, былъ тѣломъ какой-то другой несчастной. Будетъ подходящимъ, если я предложу вниманію читателя, нѣкоторые отрывки, касающіеся этой догадки. Эти отрывки суть *буквальные* переводы изъ „L'Etoile *), газеты, которая издается, вообще, съ большимъ умѣньемъ.

„Mademoiselle Роже вышла изъ дома своей матери въ Воскресенье утромъ, 22 Іюня 18— года, съ явнымъ намѣреніемъ навѣстить свою тетку, или кого-то другого изъ своихъ родственниковъ на улицѣ Дромъ. Съ этого часа никто ее не видалъ. Нѣтъ никакихъ ся слѣдовъ, и нѣтъ никакихъ о ней вѣстей... Не было рѣшительно никого, кто пришелъ бы и сказалъ, что онъ видѣлъ ее въ какой-либо часъ этого дня, послѣ того какъ она вышла за дверь, изъ дома своей матери... Далѣе, хотя мы не имѣемъ никакого свидѣтельства, что Мари Роже была среди живыхъ послѣ девяти часовъ утра въ Воскресенье, 23 Іюня, мы имѣемъ доказательство, что до этого часа она была въ живыхъ. Въ Среду, въ полдень, женское тѣло было открыто, плавающимъ у берега, около Заставы Руль. Если мы, даже, допустимъ, что Мари Роже была брошена въ рѣку черезъ три часа послѣ того, какъ она оставила домъ матери, получается лишь три дня съ того времени, какъ она ушла изъ дому—три дня изъ часа въ часъ. Но было бы безуміемъ предполагать, что убійство, если убійство здѣсь было совершено, могло осуществиться до-

*) The „New-York Brother Jonathan“ edited by Mr. Hastings Weld.

статочно скоро, чтобы дать возможность убійцѣ бросить тѣло въ рѣку до полуночи. Тѣ, что повинны въ такихъ ужасныхъ преступленіяхъ, предпочитаютъ тьму свѣту... Такимъ образомъ мы видимъ, что если тѣло, найденное въ рѣкѣ, было тѣломъ Мари Рожэ, оно могло быть въ водѣ лишь два съ половиною дня, или самое большее, три дня. Всѣ данныя опыта показываютъ, что потопшія тѣла, или тѣла, брошенныя въ воду тотчасъ по совершенію насильственной смерти, нуждаются во времени отъ шести до десяти дней для того, чтобы разложеніе достигло достаточныхъ размѣровъ и дало имъ возможность подняться на поверхность воды. Даже когда надъ потопшимъ тѣломъ разразится пушечный выстрѣлъ, и оно всплыветъ ранѣе—по крайней мѣрѣ пяти- или шести-дневнаго срока отъ потопленія—оно погружается въ воду опять, если ему не помѣшать. Мы спрашиваемъ теперь, что же въ данномъ случаѣ причинило отклоненіе отъ обычнаго порядка вещей?.. Если тѣло, въ своемъ изуродованномъ состояніи, находилось на берегу до ночи Вторника, на берегу были бы найдены какіе-нибудь слѣды убійцъ. Весьма сомнительно также, могло ли бы тѣло всплыть такъ скоро даже, если бы оно было брошено въ воду, послѣ того какъ прошло два дня по смерти. И кромѣ того, въ высшей степени невѣроятно, чтобы злодѣи, совершившіе такое убійство, какъ это предположено здѣсь, бросили тѣло въ воду, не привязавъ къ нему никакой тяжести, когда такая предосторожность могла осуществиться столь легко“.

Газета далѣе старается доказать, что тѣло было въ водѣ „не только три-дня, но, по крайней мѣрѣ, пятикратное тридневіе“, ибо оно настолько уже разложилось, что Бовэ лишь съ большимъ трудомъ призналъ его. Этотъ послѣдній пунктъ, однако, какъ было доказано, былъ совершенно ложень. Я продолжаю переводъ:

„Каковы же факты, на основаніи которыхъ Бовэ говорить, что тѣло, безъ сомнѣнія, есть тѣло Мари Рожэ?

Онъ надорвалъ рукавъ платья, и говоритъ, что онъ нашелъ примѣты, совершенно убѣдившія его въ тождественности. Публика предположила, что эти примѣты состояли въ какомъ-либо описаніи шрамовъ. Онъ потерялъ руку и нашелъ на рукѣ *волосы* — нѣчто столь неопредѣленное, на нашъ взглядъ, какъ только это можно вообразить, — столь же мало убѣдительное, какъ тотъ фактъ, что рука находится въ рукавѣ. Monsieur Бовэ не возвращался домой въ этотъ вечеръ, но послалъ записку Madame Рожэ въ 7 часовъ вечера, въ Среду, извѣщая ее, что слѣдствіе касательно ея дочери еще продолжается. Если мы допустимъ, что Madame Рожэ, въ силу ея возраста и скорби, не могла пойти (а это значило бы допустить очень много), конечно долженъ былъ найтись кто-нибудь, кто счелъ бы подходящимъ пойти туда и принять участіе въ разслѣдованіи, если вѣрили, что это было тѣло Мари. Никто не пришелъ. Ничего не было сказано, ничего не было слышно объ этомъ на улицѣ Сянтъ-Андрэ, ничто не достигло слуха хотя бы жителей того самаго дома. Monsieur Сянтъ-Эсташъ, возлюбленный и женихъ Мари, столовавшійся въ домѣ ея матери, показываетъ, что онъ ничего не слыхалъ объ открытіи тѣла своей невѣсты до слѣдующаго утра, когда Monsieur Бовэ пришелъ въ его комнату и сказалъ ему объ этомъ. Чтобы такая новость, какъ эта, была принята такъ холодно, весьма удивляетъ насъ“.

Такимъ образомъ газета пыталась создать впечатлѣніе нѣкотораго безучастія со стороны близкихъ Мари, несомнѣстимое съ предположеніемъ, чтобы эти близкіе вѣрили, что это было ея тѣло. Намеки, которые старалась внушить газета, сводятся къ слѣдующему:—Мари, при по-
собничествѣ своихъ друзей, отлучилась изъ города, по при-
чинамъ, бросающимъ тѣнь на ея цѣломудріе, и эти друзья, при открытіи тѣла въ Сенѣ, нѣсколько похожаго на тѣло дѣвушки, воспользовались случаемъ внушить публикѣ мысль объ ея смерти. Но „L'Etoile“ была слишкомъ опро-

метчива. Было четко доказано, что никакого подобного безучастія не существовало: что старая дама была чрезвычайно слаба и такъ взволнована, что не могла наложить на себя исполненія какой бы то ни было обязанности; что Сэнтъ-Эстапъ, весьма далекий отъ принятія новости холодно, такъ былъ потрясенъ горемъ и велъ себя такъ безумно, что Бовэ убѣдилъ одного друга и родственника позаботиться о немъ и помѣшать ему присутствовать при осмотрѣ тѣла по вынутіи его изъ могилы. Кромѣ того, хотя „L'Etoile“ утверждала, что тѣло было вторично погребено на общественный счетъ, — что нѣкое выгодное предложеніе частнаго погребенія было безусловно отклонено семьей — и что ни одинъ изъ членовъ семьи не сопровождалъ эту церемонію: — хотя, говорю я, все это утверждалось газетою „L'Etoile“, чтобы подкрѣпить впечатлѣніе, которое она хотѣла произвести — однако же, все это было удовлетворительнымъ образомъ опровергнуто. Въ слѣдующемъ номерѣ газеты была сдѣлана попытка навлечь подозрѣніе на самого Бовэ. Издатель говоритъ:

„Въ дѣлѣ наступила перемѣна. Намъ рассказываютъ, что разъ, когда Madame Б. была въ домѣ Madame Рожэ, Monsieur Бовэ, который выходилъ куда-то, сказалъ, что ожидаетъ прихода *жандарма*, и чтобъ она, Madame Б., ничего не говорила жандарму, пока онъ не вернется, но предоставила все ему... При данномъ положеніи дѣла, Monsieur Бовэ, повидимому, замкнулъ всю суть въ свою голову. Безъ Monsieur Бовэ и шагу ступить нельзя, потому-что по какой бы дорогѣ вы ни пошли, вы непременно на него наткнетесь. На какомъ-то основаніи онъ рѣшилъ, что никто не долженъ вмѣшиваться какъ бы то ни было въ слѣдствіе, кромѣ него. И тѣхъ мужчинъ, что находятся среди близкихъ, согласно съ ихъ собственными выраженіями, онъ столкнулъ съ дороги весьма страннымъ образомъ. Какъ кажется, ему очень не хотѣлось позволить родственникамъ увидѣть тѣло“.

Слѣдующій фактъ нѣсколько подкрѣпляетъ подозрѣніе, такимъ образомъ наброшенное на Бовэ. За нѣсколько дней до исчезновенія дѣвушки, и въ отсутствіе Monsieur Бовэ, одинъ посѣтитель увидѣлъ въ его конторѣ *розу* въ замочной скважинѣ двери, и на грифельной доскѣ, висѣвшей около, было написано имя „*Мари*“.

Общее впечатлѣніе, насколько мы были способны уловить его изъ газетъ, было, повидимому, таково, что Мари сдѣлалась жертвой *шайки* отчаянныхъ негодяевъ—что они перенесли ее черезъ рѣку, подвергли насилію, и умертвили. „*Le Commercial*“ *), однако же, газета весьма вліятельная, съ большою настойчивостью опровергала эту распространенную мысль. Я цитирую отрывка два изъ ея столбцовъ:

„Мы убѣждены, что слѣдствіе до сихъ поръ шло по ложному слѣду, поскольку оно направлялось къ Заставѣ Руль. Невозможно допустить, чтобы особа, столь хорошо извѣстная тысячамъ, какъ эта молодая женщина, могла пройти три шага, безъ того, чтобы кто-нибудь не увидалъ ее; а всякій, кто ее увидалъ бы, помнилъ бы объ этомъ, ибо она интересовала всѣхъ, кто ее зналъ. Улицы были какъ разъ полны народа, когда она вышла изъ дому. Невозможно, чтобы она дошла до Заставы Руль, или до улицы Дромъ безъ того, чтобы ее не призналъ цѣлый десятокъ разныхъ лицъ, однако же, никто не выступилъ съ сообщеніемъ, что онъ видѣлъ ее за дверьми ея дома, и кромѣ свидѣтельства касательно *выраженнаго ею namptrenia*, нѣтъ никакого доказательства, что она на самомъ дѣлѣ выходила. Ея платье было разорвано, завязано вокругъ нея, и стянуто, и, такимъ образомъ, ея тѣло было унесено какъ связка. Если убійство было совершено у Заставы Руль, не было бы никакой надобности для всего этого. Тотъ фактъ, что тѣло было найдено плавающимъ

*) New-York „Journal of Commerce“.

у Заставы, не есть доказательство, что тѣло было брошено тамъ-то, или тамъ-то... Обрывокъ одной изъ юбокъ несчастной дѣвушки, въ два фута длины и въ одинъ футъ ширины, былъ вырванъ и завязанъ подъ ея подбородкомъ, и закрѣпленъ на затылкѣ, вѣроятно, чтобы помѣшать крикамъ. Это было сдѣлано молодцами, у которыхъ не было носового платка“.

Два дня передъ тѣмъ, какъ Префектъ заходилъ къ намъ, полиція, однако, получила важное свѣдѣніе, которое, по-видимому, разрушало, по крайней мѣрѣ въ главномъ, доводы „Le Commercial“. Два маленькіе мальчика, дѣти Madame Делюкъ, блуждая въ лѣсу около Заставы Руль, случайно проникли въ густую чащу, въ которой были три или четыре большіе камня, образующіе родъ кресель, со спинкой и съ сидѣньемъ. На верхнемъ камнѣ лежала бѣлая юбка, на другомъ, шелковый шарфъ. Тамъ были найдены также зонтикъ, перчатки, и носовой платокъ. На яткѣ было имя Мари Рожэ. На кустахъ терновника кругомъ были найдены обрывки платья. Земля была утоптана, кусты поломаны, и все свидѣтельствовало, что здѣсь была борьба. Между чащею и рѣкой изгороди были найдены пригнутыми внизъ, и почва хранила явные слѣды того, что здѣсь тащили какую-то значительную тяжесть.

Еженедѣльная газета „Le Soleil“ *) сдѣлала слѣдующія разъясненія по поводу этой находки—разъясненія, которыя были простымъ эхомъ чувствъ, охватившихъ всю Парижскую прессу:

„Данныя вещи, по всей очевидности, находились здѣсь, по крайней мѣрѣ, три или четыре недѣли; они всѣ были покрыты густою ржавчиной отъ дѣйствія дождя, и слиплись вмѣстѣ отъ ржавчины. Кругомъ выросла трава, покрывавшая нѣкоторые изъ предметовъ. Шелкъ на зонтикѣ былъ плотный, но нити внутри стянулись. Верхняя

*) Philadelphia „Saturday Evening Post“.

часть тамъ, гдѣ она была на подкладкѣ и сложена, вся была покрыта ржавчиной и сгнила; когда зонтикъ раскрывали, онъ разорвался... Ключья ея платья, оборвавшіеся на кустахъ, были приблизительно три дюйма въ ширину и шесть дюймовъ въ длину. Одинъ обрывокъ былъ оборкой платья, и онъ былъ заштопанъ; другой кусокъ былъ частью юбки—не оборки. Они имѣли видъ оторванныхъ полосъ, и находились на кустѣ терновника, приблизительно на футъ отъ земли... Не можетъ быть, поэтому никакого сомнѣнія, что мѣсто этого ужасающаго злодѣянія открыто“.

Тотчасъ послѣ этого открытія возникло новое свидѣтельство. Madame Делюкъ показала, что она держитъ придорожный кабачокъ, недалеко отъ берега рѣки, на-противъ Заставы Руль. Окрестности очень уединенны—очень пустыни. По воскресеньямъ это обыкновенное прибѣжище городскихъ негодяевъ, которые пересѣкаютъ рѣку въ лодкахъ. Около трехъ часовъ пополудни въ упомянутое Воскресенье, въ кабачокъ зашла молодая дѣвушка въ сопровожденіи молодого человѣка съ темнымъ смуглымъ лицомъ. Оба оставались тамъ нѣкоторое время. Послѣ ихъ ухода, они направились въ густой лѣсъ по сосѣдству. Madame Делюкъ обратила вниманіе на то, какъ была одѣта дѣвушка, по причинѣ сходства съ тѣмъ, какъ одѣвалась одна ея умершая родственница. Въ особенности ей бросился въ глаза шарфъ. Вскорѣ послѣ того, какъ чета отбыла, появилась шайка негодяевъ, они вели себя очень шумно, ѣли и пили, начево не заплативъ, пошли по той же дорогѣ, что и молодой человѣкъ съ дѣвушкой, возвратились въ кабачокъ около сумерекъ, потомъ переправились на другой берегъ рѣки, какъ бы въ большой поспѣшности.

Это было вскорѣ послѣ того, какъ стемнѣло, въ тотъ же самый вечеръ, что Madame Делюкъ, такъ же какъ ея старшій сынъ, слышала женскіе крики по сосѣдству съ

кабачкомъ. Крики были очень пронзительны и громки, но продолжались не долго. Madame Делюкъ признала не только шарфъ, который былъ найденъ въ лѣсной чащѣ, но и платье, которое было найдено на трупѣ. Омибусный кондукторъ, Валянсъ *), также теперь засвидѣтельствовавъ, что онъ видѣлъ, какъ Мари Рожэ переѣхала на паромѣ Сену въ упомянутое Воскресеніе, въ обществѣ молодого человѣка съ смуглымъ лицомъ. Онъ, Валянсъ, зналъ Мари въ лицо, и не могъ бы ошибиться и не признать ее. Предметы, найденные въ чащѣ, также были цѣликомъ признаны близкими Мари. Всѣ эти факты и свѣдѣнія, собранныя мною изъ газетъ, по указанію Дюпена, включали еще только одинъ пунктъ—но это былъ пунктъ, повидимому, очень большой важности. Какъ кажется, непосредственно вслѣдъ за открытіемъ вышеописанныхъ предметовъ, безжизненное, или почти безжизненное, тѣло Сэнтъ-Эсташа, жениха Мари, было найдено около того мѣста, которое теперь считаютъ мѣстомъ преступленія. Рядомъ съ нимъ былъ найденъ пустой пузырекъ, съ этикеткой „Laudanum“ (настой изъ опиума). Дыханіе его являло указывало на присутствіе яда. Онъ умеръ, не произнося ни слова. Въ карманахъ у него нашли письмо, гдѣ онъ коротко говоритъ о своей любви къ Мари, и о своемъ намѣреніи покончить съ собой.

„Врядъ-ли мнѣ нужно говорить вамъ“, сказалъ Дюпень, когда онъ кончилъ перечитывать мои замѣтки, „что это гораздо болѣе запутанный случай, нежели случай, бывшій на улицѣ Моргъ, отъ котораго онъ отличается въ одномъ важномъ отношеніи. Это *заурядный*, хотя и жестокій, примѣръ преступленія. Въ немъ нѣтъ ничего особенно *преувеличеннаго*. Вы можете видѣть, что, на этомъ основаніи, тайна была сочтена легкой для разрѣшенія, между тѣмъ какъ на этомъ основаніи она должна

*) Adam.

бы быть сочтена трудной. Такимъ образомъ, сначала было найдено бесполезнымъ предлагать вознагражденіе. Приспѣшники Ж.—были способны сразу понять, какъ и почему такое преступленіе *могло быть* совершено. Ихъ воображеніе могло нарисовать имъ извѣстный способъ—много способовъ—извѣстную побудительную причину—много побудительныхъ причинъ; и такъ какъ это было не невозможно, чтобы тотъ или другой изъ этихъ многочисленныхъ способовъ и побудительныхъ причинъ *могли быть* на самомъ дѣлѣ дѣйствующей причиной, они приняла, какъ вопросъ рѣшенный, что одинъ изъ побудительныхъ мотивовъ таковымъ и *долженъ* былъ быть. Но легкость, съ которою возникли эти различныя выдумки, и самая кажущаяся ихъ пріемлемость, должны были бы быть поняты скорѣе какъ указаніе на трудность, чѣмъ какъ указаніе на легкость разъясненія. Я уже ранѣе указывалъ вамъ, что именно черезъ уклоненія, возвышающіяся надъ уровнемъ зауряднаго, разумъ оцѣпываетъ свою дорогу, если онъ ее, вообще, находитъ, въ своихъ полетахъ истины, и что надлежащій вопросъ въ такихъ случаяхъ, какъ этотъ, не столько „что случилось?“, какъ вопросъ „что случилось изъ того, что никогда не случилось раньше?“ При обыскиваніи дома Madame Л'Эспанэ *), агенты Ж.—были смущены и обезкуражены именно тою самою *необычностью*, которая для разума, надлежащимъ образомъ мыслящаго, послужила бы вѣрнѣйшимъ предвѣщаніемъ успѣха; между тѣмъ какъ тотъ же самый разумъ могъ бы повергнуться въ полное отчаяніе, при видѣ зауряднаго характера всего, что является глазу въ этомъ дѣлѣ дѣвушки-парфюмерщицы, и что еще не дало указаній ровно ни на что, кромѣ легковѣснаго торжества чиновниковъ Префектуры.

„Въ дѣлѣ Madame Л'Эспанэ и ея дочери, съ самаго на-

*) Смотри „Убіенство въ улицѣ Моргъ“.

чала слѣдствія, не было сомнѣнія, что здѣсь было совершено убійство. Мысль о самоубійствѣ исключалась сразу. Здѣсь, также, мы съ самаго начала освобождены отъ какого-либо предположенія о самоубійствѣ. Тѣло, найденное у Заставы Руль, было найдено при такихъ обстоятельствахъ, что не оставалось никакихъ затрудненій касательно этого важнаго пункта. Но была высказана догадка, что найденное тѣло вовсе не тѣло Мари Рожэ, за указаніе убійцы или убійцъ которой было назначено вознагражденіе, относительно чего единственно и былъ нашъ договоръ съ Префектомъ. Мы оба знаемъ этого джентльмена достаточно. Не слѣдуетъ довѣрять ему слишкомъ. Будемъ ли мы начинать наше разслѣдованіе отъ найденнаго тѣла, и затѣмъ выслѣживать убійцу, мы еще можемъ открыть, что это тѣло не Мари, а кого-то другого; или же, если мы начнемъ съ предположенія, что Мари жива и найдемъ ее, но найдемъ не убитой—въ обихъ случаяхъ наши усилія тутъ потеряны, ибо мы имѣемъ дѣло съ Monsieur Ж.—Для нашей собственной задачи поэтому, если не для цѣлей правосудія, необходимо, чтобы первый нашъ шагъ былъ опредѣленіемъ тождественности тѣла съ тѣломъ исчезнувшей Мари Рожэ.

„Въ публикѣ имѣютъ вѣсь аргументы газеты „L'Etoile“; и что сама газета убѣждена въ ихъ важности, явствуетъ изъ того, какъ начинается одна изъ ея статей по данному предмету.—„Нѣкоторыя изъ сегодняшнихъ утреннихъ газетъ“, говоритъ она, „указываютъ на *завершительный* характеръ статьи въ понедѣльничномъ номерѣ „L'Etoile“.“ Для меня эта статья завершительна и убѣдительна мало въ чемъ иномъ, кромѣ указаній на рвеніе ея составителя. Мы должны помнить, что, вообще, задача нашей ежедневной прессы не столько содѣйствовать разъясненію истины, сколько создать извѣстное впечатлѣніе—сдѣлать ловкій вывертъ. Первая задача преслѣдуется лишь тогда, когда она, повидимому, согласуется со второй. Изданіе,

которое просто совпадаетъ съ обычнымъ мнѣніемъ (какъ бы хорошо ни было обосновано это мнѣніе) не снискиваетъ никакого довѣрія у толпы. Большая публика считаетъ глубокимъ лишь того, кто дѣлаетъ предположенія, находящіяся въ *остромъ противорѣчій* съ общепринятымъ мнѣніемъ. Въ логическихъ умозаключеніяхъ, такъ же какъ въ литературѣ, что оцѣнивается наиболѣе быстро и всеобще, это *эпиграмма*. И тутъ, и тамъ, это — достиженіе низшаго порядка.

„Я хочу сказать, что именно смѣшеніе эпиграммы и мелодрамы въ мысли, что Мари Рожэ еще жива, болѣе чѣмъ какая-либо пріемлемость таковой мысли, внушило эту догадку газетѣ, и обезпечило ей успѣхъ въ публикѣ. Разсмотримъ же главныя основанія въ аргументаціи „L'Etoile“, и постараемся избѣгнуть при этомъ той безсвязности, съ которой она устанавливаетъ свои доводы.

„Первая задача автора — показать, на основаніи краткаго промежутка времени между исчезновеніемъ Мари и нахожденіемъ плавающего трупъ, что этотъ трупъ не можетъ быть тѣломъ Мари. Сведеніе этого промежутка до малѣйшихъ возможныхъ размѣровъ дѣлается, такимъ образомъ, сразу задачею разсуждающаго. Въ рыаномъ преслѣдованіи такой задачи, онъ съ самаго начала обрушивается въ простую догадку. „Было бы безуміемъ предполагать“, говоритъ онъ, „что убійство, если убійство здѣсь было совершено, могло осуществиться достаточно скоро, чтобы дать убійцѣ возможность бросить тѣло въ рѣку до полночи“. Мы спрашиваемъ тотчасъ же, и весьма естественно, *почему?* Почему безумно было бы предполагать, что убійство было совершено *черезъ пять минутъ*, послѣ того какъ дѣвушка оставила домъ своей матери? Почему безумно было бы предполагать, что убійство было совершено въ любое время дня? Умерщвленія свершались во всѣ часы. Но, если убійство имѣло мѣсто въ какую-либо минуту между девятью часами утра въ Воскресенье и

двѣнадцатую ночь безъ четверти, достаточно было бы времени „бросить тѣло въ рѣку до полночи“. Это предположеніе, такимъ образомъ, сводится въ точности къ тому, что убійство вовсе не было совершено въ Воскресенье; и если мы позволимъ „L'Etoile“ допустить это, мы можемъ позволить ей что угодно. Столбецъ, начинающійся словами: „Было бы безуміемъ предполагать, что убійство и пр.“, хотя онъ въ такомъ видѣ является напечатаннымъ въ „L'Etoile“, можно было бы вообразить существующимъ дѣйствительно *такимъ образомъ* въ умѣ сочинителя— „Было бы безуміемъ предположить, что убійство, если убійство совершилось, могло совершиться достаточно скоро, чтобы дать возможность убійцамъ бросить тѣло въ рѣку до полночи. Было бы безуміемъ, говоримъ мы, допускать все это, и допускать въ то же самое время (какъ мы рѣшили допустить), что тѣло *не* было брошено въ рѣку раньше какъ *послѣ* полночи“. Заключение, достаточно непослѣдовательное само по себѣ, но не такое, до послѣдней степени, нелѣпное, какъ напечатанное.

„Если бъ моимъ намѣреніемъ“, продолжалъ Дюпенъ, „было просто *выставить доводъ* противъ аргументаціи этого мѣста въ „L'Etoile“, я могъ бы спокойно остановиться здѣсь. Мы имѣемъ, однако же, дѣло не съ „L'Etoile“, а съ истиной. Упомянутая фраза, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, имѣетъ лишь одинъ смыслъ, и этотъ смыслъ я надлежащимъ образомъ установилъ; но существенно важно, чтобы мы зашли за простыя слова и подошли къ мысли, которую эти слова явнымъ образомъ намѣревались—и неуспѣшно—внушить. Намѣреніемъ журналиста было сказать, что въ какое-бы время дня, или ночи въ Воскресенье, ни совершалось это убійство, неправдоподобно, чтобы убійцы дерзнули отнести тѣло въ рѣку раньше полночи. Здѣсь-то и находится утвержденіе, на которое я возстаю. Предположено, что убійство было совершено въ такомъ мѣстѣ и при такихъ обстоятель-

ствахъ, что сдѣлалось необходимымъ *отнести тѣло* въ рѣку. Но вѣдь убійство могло произойти на берегу рѣки, или на самой рѣкѣ; и такимъ образомъ бросить тѣло въ воду было бы подходящимъ въ какое-либо время дня или ночи — это было бы самымъ прямымъ и самымъ непосредственнымъ способомъ распорядиться съ нимъ. Вы понимаете, что я не дѣлаю здѣсь намека ни на что, какъ на вѣроятное, или какъ на совпадающее съ моимъ собственнымъ мнѣніемъ. До сихъ поръ моя мысль не имѣетъ никакого отношенія къ самымъ *фактамъ* дѣла. Я хочу только предостеречь васъ противъ всего тона въ намекахъ „L'Etoile“, съ самаго начала привлекая ваше вниманіе къ *предвзятому* характеру, усвоенному газетой.

„Начертивъ, такимъ образомъ, границу, дабы слѣдовать собственнымъ предвзятымъ представленіямъ — допустивъ, что если тутъ было тѣло Мари, то оно оставалось въ водѣ лишь короткое время, газета продолжаетъ:

„Всѣ данныя опыта показываютъ, что потопшія тѣла, или тѣла, брошенные въ воду тотчасъ по свершеніи насильственной смерти, нуждаются во времени отъ шести до десяти дней для того, чтобы разложеніе достигло достаточныхъ размѣровъ, и дало имъ возможность подняться на поверхность воды. Даже когда надъ потопшимъ тѣломъ разразится пушечный выстрѣлъ, и оно всплываетъ ранѣе, по крайней мѣрѣ, пяти- или шести-дневнаго срока отъ потопленія, оно погружается въ воду опять, если ему не помѣшать“.

„Эти утвержденія были молчаливо приняты всѣми Парижскими газетами, за исключеніемъ „Le Moniteur“ *). Эта послѣдняя газета пытается опровергнуть данный доводъ, имѣющій отношеніе лишь къ „утопшимъ тѣламъ“, и приводитъ пять-шесть примѣровъ, въ которыхъ тѣла, завѣдомо утопшія, были найдены плавающими по истече-

*) The New-York „Commercial Advertiser“.

нии меньшаго времени, чѣмъ указываетъ „L'Etoile“. Но есть что-то чрезвычайно нефилософское въ этой попыткѣ „Le Moniteur'a“ опровергнуть общія утвержденія „L'Etoile“, приведеніемъ особыхъ примѣровъ, противорѣчащихъ этому утвержденію. Если бъ было возможно привести не пять, а пятьдесятъ примѣровъ того, что тѣла были найдены плавающими черезъ два или черезъ три дня, эти пятьдесятъ примѣровъ могли бы еще, вполне уместно, быть разсматриваемы, лишь какъ исключенія изъ правила „L'Etoile“ до тѣхъ поръ, пока не было бы опровергнуто самое правило. При допущеніи правила (а „Le Moniteur“ его не отрицаетъ, а настаиваетъ лишь на исключеніи изъ него), аргументація „L'Etoile“ остается въ полной силѣ; ибо эта аргументація не притязаетъ на большее, кромѣ вопроса о вѣроятіи того, чтобы тѣло поднялось на поверхность воды скорѣе, чѣмъ черезъ три дня и это вѣроятіе будетъ въ пользу утвержденія „L'Etoile“, до тѣхъ поръ, какъ примѣры, столь ребячески приводимые, не будутъ достаточны въ числѣ, чтобы установить противоположное правило.

„Вы видите сразу, что вся аргументація въ этомъ пунктѣ должна быть направлена, если аргументація нужна, противъ самаго правила; и для этой цѣли мы должны изслѣдовать *основаніе* самаго правила. Итакъ, человѣческое тѣло вообще ни легче, ни тяжеле, чѣмъ вода въ Сенѣ; то-есть, специфическая тяжесть человѣческаго тѣла въ естественномъ его состояніи приблизительно равняется объему свѣжей воды, которую оно содвигаетъ. Тѣла жирныхъ и мясистыхъ особъ, съ небольшими костями, и тѣла женщинъ, говоря вообще, легче нежели тѣла особъ худыхъ и ширококостныхъ, и тѣла мужчинъ вообще; специфическая тяжесть рѣчной воды подчиняется также нѣкоторому вліянію морского прилива, разъ онъ присутствуетъ. Но, оставляя этотъ вопросъ о приливѣ въ сторонѣ, можно сказать, что *очень* немногія человѣческія тѣла погрузятся, даже въ

свѣжей водѣ, по собственному своему соизволенію. Почти каждый, падая въ рѣку, будетъ способенъ плыть, если онъ дозволить, чтобы специфическая тяжесть воды пришла въ надлежащее соотношеніе съ специфическою тяжестью его собственного тѣла—то есть, если онъ дозволить, чтобы все его тѣло погрузилось, за исключеніемъ возможно малой его части. Надлежащее положеніе для того, кто не умѣетъ плавать, есть стоячее положеніе человека, идущаго по сушѣ, съ головою совершенно откинутаю назадъ и погруженной въ воду; надъ поверхностью воды остается лишь ротъ и ноздри. При такихъ условіяхъ мы можемъ плавать безъ затрудненій и безъ усилій. Очевидно, однако, что тяжести тѣла и объема смѣщенной воды должны быть уравновѣшены очень тщательно, и что каждый пустякъ дастъ преимущество одной или другой. Рука, напримѣръ, поднятая изъ воды, и, такимъ образомъ, лишенная своей поддержки, есть добавочная тяжесть, достаточная, чтобы погрузить голову цѣликомъ, между тѣмъ какъ случайная помощь самаго небольшого куска дерева дастъ намъ возможность поднять голову и посмотреть кругомъ. Но при судорожныхъ движеніяхъ того, кто не привыкъ плавать, руки неизмѣнно устремляются вверхъ, въ то время какъ дѣлается попытка держать голову въ ея обычномъ перпендикулярномъ положеніи. Результатъ—погруженіе въ воду рта и ноздрей и принятіе воды въ легкія, во время усилій дышать подъ водою. Много воды также принимается въ желудокъ, и все тѣло дѣлается тяжеле на ту разницу въ тяжести, которая существуетъ между воздухомъ, первоначально расправившимъ эти полости, и жидкостью, теперь ихъ заполняющей. Какъ правило, этой разницы достаточно, чтобы заставить тѣло опуститься; но этой разницы недостаточно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ особами, у которыхъ малыя кости и ненормальное количество макотни или жирнаго вещества. Такіе плаваютъ даже послѣ потопленія.

„Тѣло, предположенное нами находящимся на днѣ рѣки будетъ тамъ оставаться до тѣхъ поръ, пока, какими-нибудь средствами, специфическая его тяжесть не сдѣлается опять меньшей, нежели тяжесть объема воды имъ содвинутой. Это получается черезъ разложеніе или инымъ путемъ. Слѣдствіемъ разложенія появляется возникновеніе газа, растягивающаго клѣточные ткани и всѣ впалости, и дающаго утопленникамъ такой чудовищный *раздутый* видъ. Когда такое расширеніе увеличилось настолько, что объемъ тѣла вещественно возросъ, безъ соотвѣтственнаго возрастанія *массы*, или вѣса, специфическая его тяжесть дѣлается меньше, чѣмъ тяжесть перемѣщенной воды, и это немедленно вызываетъ его подытіе къ поверхности. Но разложеніе видоизмѣняется многочисленными обстоятельствами—оно ускоряется или замедляется многочисленными дѣйствующими; напримѣръ, холодомъ или жаромъ времени гоа, минеральными частицами, или чистотою воды, глубиною воды, или ея мелкостью, тѣмъ, что она проточная, или стоячая, тѣлосложеніемъ, зараженностью тѣла, или свободою его отъ недуга передъ смертію. Такимъ образомъ, очевидно, что мы не можемъ указать съ какою либо точностью никакого періода времени, въ который тѣло должно всплыть благодаря разложенію. При извѣстныхъ условіяхъ, этотъ результатъ могъ бы получиться черезъ часъ; при другихъ, онъ могъ бы не имѣть мѣста вовсе. Есть введенія химическихъ веществъ, благодаря которымъ тѣлесная основа *навсегда* можетъ быть предохранена отъ порчи; таковъ, напримѣръ, двухлористый ртуть. Но, оставляя разложеніе въ сторонѣ, можетъ возникнуть, и весьма обыкновенно возникаетъ, газъ въ желудкѣ, благодаря броженію растительнаго вещества черезъ окисленіе (или въ другихъ впалостяхъ отъ другихъ причинъ), достаточный, чтобы вызвать растяженіе, которое приведетъ тѣло къ поверхности. Эффектъ, создаваемый пушечнымъ выстрѣломъ, есть дѣй-

ствіе простой вибраціи. Онъ можетъ или освободить тѣло отъ мягкой грязи или отъ ила, въ которомъ оно погребено, позволяя, такимъ образомъ, подняться, когда другія дѣйствующія уже подготовили его къ этому, или онъ можетъ побѣдить упорство какихъ-либо гніющихъ частей клѣточной ткани, позволяя впалостямъ расширяться подъ вліяніемъ газа.

„Имѣя, такимъ образомъ, передъ нами всю философію даннаго предмета, мы можемъ легко провѣрить утвержденія „L'Etoile“.

„Всѣ данныя опыты показываютъ, что потопшія тѣла или тѣла, брошенныя въ воду тотчасъ по свершеніи насильственной смерти, нуждаются во времени отъ шести до десяти дней для того, чтобы разложеніе достигло достаточныхъ размѣровъ, и дало имъ возможность подняться на поверхность воды. Даже, когда надъ потопшимъ тѣломъ разразится пушечный выстрѣлъ, и оно всплыветъ ранѣе, по крайней мѣрѣ, пяти- или шести-дневнаго срока отъ потопленія, оно погружается въ воду опять, если ему не помѣшать“.

„Весь этотъ отрывокъ долженъ казаться намъ теперь сцѣпленіемъ непослѣдовательности и безсвязности. Опытъ вовсе не показываетъ намъ, что „потопшія тѣла“ *требуютъ* отъ пяти до десяти дней для достаточнаго разложенія, чтобы подняться къ поверхности. И знаніе, и опытъ показываютъ намъ, что время поднятія трупа неопредѣленно, и по необходимости должно быть таковымъ. Если, кромѣ того, тѣло поднялось къ поверхности, благодаря пушечному выстрѣлу, оно не погрузится опять, будучи предоставлено самому себѣ“, если разложеніе дошло до такой степени, чтобы дозволить высвобожденіе возникшаго газа. Но я хочу обратить ваше вниманіе на различіе, дѣлаемое между „потопшими тѣлами“ и „тѣлами, брошенными въ воду тотчасъ вслѣдъ за насильственной смертью“. Хотя авторъ замѣтки допускаетъ различіе, онъ все же

включаетъ эти тѣла въ одну и ту же категорію. Я показаль, какимъ образомъ тѣло утопленника дѣлается тяжелѣе объема воды, я указаль, что данный человѣкъ не утонулъ бы вовсе, если бы не судорожныя движенія, благодаря которымъ онъ поднимаетъ свои руки надъ поверхностью воды, и если бы не судорожныя его попытки дышать подъ водою—попытки, заполняющія легкія водою вмѣсто бывшаго тамъ раньше воздуха. Но этихъ судорожныхъ попытокъ двигать руками и дышать не было бы въ „тѣлѣ, брошенномъ въ воду непосредственно вслѣдъ за насильственной смертью“. Такимъ образомъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, *какъ общее правило, тѣло вовсе не погружается въ воду*—фактъ, о которомъ „L'Etoile“, очевидно, не знаетъ. Когда разложеніе достигло очень значительныхъ размѣровъ—когда мягкія части тѣла, въ значительной степени, отдѣлились отъ костей—лишь тогда, на самомъ дѣлѣ, и не раньше мы видимъ, что тѣло исчезаетъ.

„Теперь, что же намъ дѣлать съ аргументомъ, гласящимъ, что это не могло быть тѣломъ Мари Рожэ, потому что это тѣло было найдено плавающимъ, когда прошло всего лишь три дня? Будучи женщиной, если она и утонула, она могла вовсе не погрузиться въ воду; или, погрузившись, могла вновь показаться на поверхности черезъ двадцать четыре часа, или раньше. Но никто не предполагаетъ, что она утонула; и разъ она умерла, передъ тѣмъ какъ ее бросили въ рѣку, она могла быть найдена плавающей въ любое время послѣ этого.

„Но“, говоритъ „L'Etoile“, „если тѣло въ изуродованномъ своемъ состояніи продолжало оставаться на берегу до ночи Вторника, на берегу были бы найдены какіе-нибудь слѣды убійцъ“. Здѣсь сначала трудно понять намѣреніе разсуждающаго. Онъ старается предвосхитить то, что ему представляется какъ возраженіе противъ его теоріи—то есть, что тѣло находилось на берегу два дня и подверг-

лось быстрому разложенію — *болѣе* быстрому, чѣмъ, если бы оно было погружено въ воду. Онъ предполагаетъ, что, если бы случай былъ таковъ, тѣло *могло бы* появиться на поверхности въ Среду, и думаетъ, что *только* при такихъ обстоятельствахъ оно могло бы, такимъ образомъ, появиться. Согласно съ этимъ, онъ торопится сказать, что оно *не* находилось на берегу; потому что, если бы это было такъ, „какіе-нибудь слѣды убійцъ были бы найдены на берегу“. Я думаю, что вы улыбаетесь на это умозаключение. Вы не можете постичь, какимъ образомъ простая *длительность* нахождения тѣла на берегу могла бы содѣйствовать *умноженію слѣдовъ* убійцъ. Не могу и я.

„II, кромѣ того, въ высшей степени невѣроятно“, продолжаетъ наша газета, „чтобы злодѣи, совершившіе такое убійство, какъ это предположено здѣсь, бросили тѣло въ воду не привязавъ къ нему никакой тяжести, когда такая предосторожность могла осуществиться такъ легко“. Замѣьте здѣсь потѣшное смѣшеніе мысли. Никто—ни даже „L'Etoile“—не оспариваетъ, что *найденное тѣло* есть тѣло убитой. Знаки насилія слишкомъ явны. Намѣреніе нашего разсуждающаго просто показать, что этотъ трупъ не есть тѣло Мари. Онъ не доказываетъ, что трупъ не есть тѣло убитой—онъ хочетъ доказать, что *Мари* не убита. Между тѣмъ, его замѣчанія доказываютъ лишь первый пунктъ. Вотъ трупъ, но къ нему не привязано никакой тяжести. Убійцы, бросая его въ воду, не преминули бы привязать къ нему тяжесть, поэтому онъ не былъ брошенъ въ воду убійцами. Это все, что доказано, если что-нибудь доказано. Къ вопросу о тождествѣ даже не сдѣлано приближенія, и „L'Etoile“ лишь старательно хлопочетъ о томъ, чтобъ опровергнуть теперь то, что она сама допускала за минуту. „Мы вполне убѣждены“, говоритъ она, „что найденное тѣло принадлежитъ убитой женщинѣ“.

„Это не единственный примѣръ, даже при такомъ раздѣ-

леніи предмета, когда нашъ разсуждающій безсознательно разсуждаетъ противъ самаго себя. Его очевидное намѣреніе, какъ я сказалъ, уменьшить сколько возможно промежутокъ времени между исчезновеніемъ Мари и нахожденіемъ тѣла. Однако же, мы видимъ, какъ онъ подчеркиваетъ тотъ пунктъ, что никто не видалъ дѣвушку съ той минуты, когда она вышла изъ дома своей матери“.

„У насъ нѣтъ никакого свидѣтельства“, говоритъ онъ, „что Мари Рожэ была еще въ живыхъ послѣ девяти часовъ утра въ Воскресенье 22 іюня“. Такъ какъ этотъ его аргументъ явно предвзятый, онъ лучше бы сдѣлалъ, если бы, по крайней мѣрѣ, вовсе не касался этого вопроса; ибо, если бы кто-нибудь видѣлъ Мари, скажемъ, въ Понедѣльникъ или во Вторникъ, упомянутый промежутокъ времени весьма уменьшился-бы, и согласно съ его собственнымъ методомъ умозаключенія, весьма уменьшилась бы вѣроятность того, что это тѣло *гризетки*. Забавно, однако, вѣдѣть, что „L'Etoile“ настаиваетъ на этомъ пунктѣ съ полной убѣжденностью, что онъ подтверждаетъ общую ея аргументацію.

„Перечтите теперь ту часть этой аргументаціи, которая касается того, что Бовэ призналъ тѣло. Относительно *волосъ на рукѣ*, „L'Etoile“, очевидно, была злостной. Monsieur Бовэ, не будучи идиотомъ, никогда не могъ бы настаивать на опознаніи трупа лишь потому, что на *рукѣ есть волосы*. Нѣтъ руки *безъ волосъ*. *Вся манера* говорить является въ „L'Etoile“ простымъ извращеніемъ словъ свидѣтеля. Онъ долженъ былъ разумѣть какую-нибудь *особенность* въ этихъ волосахъ, тутъ должна была быть какая-нибудь особенность въ цвѣтѣ, количествѣ, длинѣ, или въ расположеніи.

„У нея была маленькая нога“,—говоритъ газета,—„есть тысячи такихъ ногъ. Ея подвязка не есть какое-либо доказательство, ни ея башмакъ, ибо башмаки и подвязки продаются тюками. То же самое можетъ быть сказано о

цвѣтахъ на ея шляпѣ. Monsieur Бовэ особенно сильно настаиваетъ на одномъ обстоятельствѣ, именно, что застежка подвязки была передвинута назадъ, чтобы держаться. Это не доказываетъ ничего; ибо большая часть женщинъ находятъ болѣе подходящимъ взять пару подвязокъ домой и приладить ихъ тамъ къ величинѣ своихъ ногъ, а не примѣрять ихъ въ магазинѣ, гдѣ онѣ ихъ покупаютъ“. Здѣсь трудно допустить, чтобъ разсуждающій говорилъ серьезно. Если бы Monsieur Бовэ, въ розыскахъ тѣла Мари, нашелъ трупъ, соответствующій, въ общемъ видѣ и размѣрахъ, тѣлу пропавшей дѣвушки, онъ могъ бы считать себя удостовѣреннымъ (безъ какого-либо вопроса объ одеждѣ), что поиски его были удачны. Если въ придачу къ сходству общаго вида и очертаній, онъ нашелъ на рукѣ особую волосяную примѣту, которую онъ замѣтилъ на живой Мари, мнѣніе его справедливо могло быть усилено, и возрастаніе положительности могло бы быть въ прямомъ отношеніи къ особенностямъ или необычности волосяной примѣты. Если нога у Мари была маленькая, а ноги мертваго тѣла также были маленькія, увеличеніе вѣроятія, что это тѣло Мари, было бы не только увеличеніемъ въ профессіи чисто ариметической, но и высоко геометрической, или собирательной. Прибавьте ко всему этому башмаки такіе, какіе на ней, какъ извѣстно, были въ день исчезновенія, и хотя бы такіе башмаки могли „продаваться тюками“, вы настолько увеличите вѣроятіе, что коснетесь достовѣрнаго. То, что само по себѣ не было бы свидѣтельствомъ тождества, дѣлается, благодаря подкрѣпленію, доказательствомъ самымъ вѣрнымъ. Дайте намъ, затѣмъ, цвѣты на шляпѣ, соответствующіе тѣмъ, какіе были на шляпѣ у пропавшей дѣвушки, намъ нечего больше искать. Если мы имѣемъ хоть *одинъ* цвѣтокъ — намъ нечего больше искать. Что же если у насъ ихъ два, или три, или болѣе? Каждая послѣдующая единица есть умноженное свидѣтель

ство — доказательство *не прибавленное* къ доказательству, но умноженное сотнями и тысячами. Мы находимъ далѣе на умершей подвязки такія же, какія были на живой, и продолжать далѣе становится почти безуміемъ. Но эти подвязки были найдены суженными, благодаря тому, что застежка была передвинута назадъ, совершенно такимъ же образомъ, какъ были сужены подвязки на Мари незадолго передъ тѣмъ, какъ она вышла изъ дому. Сомнѣваться теперь — безуміе, или лицемѣріе. То, что „L'Etoile“ говорить о такомъ суживаніи подвязокъ, какъ о фактѣ обычномъ, не показываетъ ничего, кромѣ собственнаго ея упорства въ ошибку. Эластическій характеръ застежки подвязокъ есть самъ по себѣ доказательство *необычности* суженія. То, что само по себѣ должно быть приложено, по необходимости, должно требовать постоянного вниманія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Лишь благодаря какому-нибудь случаю, въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, подтяжки Мари нуждались въ упомянутомъ суженіи. Они одни могли бы въ достаточной мѣрѣ подтверждать тождество. Но не то важно, что на тѣлѣ были найдены подвязки пропавшей дѣвушки, или ея башмаки, или ея шляпа, или цвѣты на ея шляпѣ, или что были усмотрѣны ея ноги, или особая примѣта на ея рукѣ, или общій видъ и ростъ ея, а то, что найдено было все это, и *все вмѣстѣ*. Если бы было доказано, что издатель „L'Etoile“ *дѣйствительно* еще имѣетъ сомнѣнія при данныхъ обстоятельствахъ, въ его случаѣ не было бы надобности назначать комиссію для освидѣтельствованія здравости разсудка. Онъ счелъ мудрымъ явить себя эхомъ малой болтовни представителей закона, которые по большей части удовольствуются тѣмъ, что являютъ изъ себя эхо прямоугольныхъ судебныхъ правилъ. Я указалъ бы, что очень много изъ того, что отбрасывается судомъ какъ свидѣтельство, есть для разума лучшее изъ свидѣтельствъ. Ибо судъ, руководясь общими принципами очевидности—прин-

цами, признанными и занесенными въ книги — неохотно отъ нихъ уклоняется въ особыхъ случаяхъ. И эта упорная приверженность къ принципу, съ суровымъ пренебреженіемъ противорѣчащихъ исключеній, есть вѣрный способъ достиженія *максимума* достижимой истины въ теченіи какой-либо долгой длительности времени. Практика, въ *массѣ*, поэтому философична, но, тѣмъ не менѣе, достоверно, что она порождаетъ большія ошибки въ отдѣльныхъ случаяхъ *).

„Касательно инсинуаций, направленныхъ противъ Бовэ, вамъ просто нужно дунуть на нихъ — и они исчезнутъ. Вы уже оцѣнили настоящій характеръ этого добраго джентльмена. Это *хлопотунъ*, съ большой примѣсью романтики, и не остраго ума. Всякій человѣкъ съ такими данными, въ случаѣ *настоящаго* возбужденія, будетъ вести себя такъ, что возбудитъ подозрѣніе въ наблюдателяхъ слишкомъ утонченныхъ, или дурно расположенныхъ. У Monsieur Бовэ (какъ явствуетъ изъ вашихъ замѣтокъ) были нѣкоторые личные разговоры съ издателемъ „L'Etoile“, и онъ оскорбилъ его, дерзнувъ выставить мнѣніе, что тѣло, несмотря на теорію, развѣиваемую издателемъ, есть тѣло Мари, и это точный фактъ. „Онъ упорствуетъ“, говоритъ газета, „въ утвержденіи, что это тѣло Мари, но не можетъ представить никакого обстоятельства въ придачу къ уже указаннымъ, чтобы заставить повѣрить

*) „Теорія, основанная на качествахъ предмета, не можетъ имѣть полное развитіе въ примѣненіи къ предметамъ, которыхъ она касается; и тотъ, кто располагаетъ факты въ отношеніи къ ихъ причинамъ, перестаетъ оцѣнивать ихъ, въ ихъ отношеніи къ ихъ результатамъ. Такимъ образомъ, правовѣдѣіе каждаго народа показываетъ, что, когда законъ дѣлается знаніемъ и системой, онъ перестаетъ быть правосудіемъ. Ошибки, въ которыя слѣпая приверженность къ *основамъ* классификаціи приводила Право, можно видѣть, наблюдая, какъ часто законодательство бывало вынуждено выступать для установленія справедливости, исчезнувшей изъ его схемы“. — *Landor*.

другихъ“. Не обращаясь къ тому факту, что болѣе строгая очевидность, „чтобы заставить вѣрить другихъ“, *никогда* не можетъ быть приведена, можно замѣтить, что въ случаѣ подобнаго рода тотъ или иной человѣкъ въполнѣ понятнымъ образомъ можетъ вѣрить, не будучи способнымъ выставить хоть какой-либо доводъ, чтобы заставить повѣрить другого. Ничто такъ не смутно, какъ впечатлѣніе личнаго тождества. Каждый узнать своего сосѣда, но мало примѣровъ, чтобы кто-нибудь былъ готовъ *указать основаніе*, почему онъ его узналъ. Издатель „L'Etoile“ не имѣлъ никакого права оскорбляться на неоснованную увѣренность Monsieur Бовэ.

„Подозрительныя обстоятельства, которыя его окружаютъ, гораздо лучше будутъ согласоваться съ моею гипотезой *романтической хлопотливости*, нежели съ намѣкомъ разсуждающаго — на виновность. Разъ будетъ усвоено болѣе мягкое истолкованіе, мы безъ затрудненія поймемъ розу въ замочной скважинѣ; слово „Мари“ на грифельной доскѣ; „рѣзкое устраненіе мужчинъ близкихъ“; нежеланіе его дозволить имъ увидать тѣло; предостереженіе, данное Madame Б., что она не должна разговаривать съ жандармомъ до его (Бовэ) возвращенія; и, наконецъ, его кажущуюся рѣшимость, „чтобы никто не вмѣшивался, какъ бы то ни было, въ слѣдствіе, кромѣ него“. Мнѣ кажется безспорнымъ, что Бовэ былъ ухаживателемъ Мари; что она съ нимъ кокетничала; и что ему льстило, чтобы думали, что онъ пользуется полнѣйшей ея интимностью и довѣріемъ. Объ этомъ я ничего болѣе говорить не буду; и такъ какъ показанія въполнѣ опровергаютъ утвержденіе „L'Etoile“ *касательно апатіи* со стороны матери и другихъ близкихъ, апатіи несовмѣстимой съ предположеніемъ о ихъ увѣренности въ томъ, что это тѣло дѣвушки-парфюмерщицы — мы будемъ теперь продолжать разсужденіе такъ, какъ если бъ вопросъ о тождествѣ былъ установленъ до полнаго нашего удовлетворенія“.

„А что вы думаете“, спросилъ я, „о мнѣніяхъ „Commercial“а?“

„Что по духу своему, они гораздо болѣе достойны вниманія, чѣмъ какія-либо мнѣнія, опубликованныя по данному предмету. Выводы изъ посылокъ философичны и остры; но послылки, въ двухъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, основаны на несовершенномъ наблюденіи. „Le Commercial“ хочетъ внушить, что Мари была схвачена какою-то шайкой низкихъ негодяевъ недалеко отъ дома ея матерп. „Невозможно“, подчеркиваетъ газета, „чтобы особа, столь хорошо извѣстная тысячамъ, какъ эта молодая женщина, могла пройти три шага безъ того, чтобы кто-нибудь не увидалъ ее“. Это—представленіе человѣка, долго жившаго въ Парижѣ—человѣка публичности—чьи прогулки туда и сюда по городу большю частью ограничивались мѣстами по сосѣдству отъ общественныхъ зданій. Онъ знаетъ, что онъ рѣдко пройдетъ больше чѣмъ шаговъ десять отъ своего собственнаго бюро безъ того, чтобы кто-нибудь не узналъ его, и не подошелъ къ нему. И зная размѣры своего личнаго знакомства съ другими и другихъ съ нимъ, онъ сравниваетъ свою извѣстность съ извѣстностью дѣвушки-парфюмерщицы, не усматриваетъ тутъ большой разницы, и сразу приходитъ къ заключенію, что ее въ ея прогулкахъ такъ же легко можно было бы признать, какъ его въ его собственныхъ. Такъ могло бы быть лишь въ томъ случаѣ, если бы ея прогулки отличались тѣмъ же самымъ неизмѣннымъ методическимъ характеромъ, и происходили въ томъ же самомъ *опредѣленномъ* ограниченномъ пространствѣ, какъ его прогулки. Онъ идетъ туда и сюда черезъ опредѣленные промежутки времени въ опредѣленной мѣстности, изобилующей личностями, которыя естественно наблюдаютъ за нимъ, благодаря тому, что родъ его занятій схожъ съ родомъ ихъ занятій. Но прогулки Мари, какъ можно предположить вообще, отличались характеромъ блужданій. Въ этомъ осо-

бенномъ случаѣ совершенно правдоподобно принять, что она пошла по дорогѣ, болѣе чѣмъ обыкновенно, отличной отъ ея обычныхъ путей. Параллель, которая, какъ мы можемъ вообразить, существовала въ умѣ „Le Commercial’a“, могла бы быть пріемлема лишь въ томъ случаѣ, если бѣ два человѣка проходили весь городъ. Въ данномъ случаѣ, допуская, что личные знакомства у нихъ равны, могли бы также быть равны и возможности, что равное число знакомыхъ можетъ встрѣтиться по дорогѣ. Что касается меня, я считалъ бы не только возможнымъ, но и болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что Мари могла пройти въ любое время по одной изъ многихъ дорогъ, находящихся между ея квартирой и квартирою ея тетки, не встрѣтивъ ни одного человѣка, котораго бы она знала или который бы ее зналъ. Разсматривая этотъ вопросъ въ его полномъ и надлежащемъ свѣтѣ, мы должны твердо помнить великое несоотвѣтствіе между личными знакомыми какого-либо, даже самаго виднаго, человѣка въ Парижѣ, и цѣлымъ населеніемъ самого Парижа.

„Но какую бы силу мы еще ни признавали за внушеніемъ „Le Commercial’a“, она весьма уменьшится, если мы примемъ во вниманіе часъ, въ который вышла дѣвушка. „Она вышла“, говоритъ „Le Commercial“, „когда улицы полны народа“. Но это не такъ. Она вышла въ девять часовъ утра. Въ девять часовъ утра въ любой день недѣли, за исключеніемъ *Воскресенья*, улицы города дѣйствительно полны народа. Въ девять часовъ утра въ *Воскресенье* всѣ находятся, главнымъ образомъ, по домамъ, *приготовляясь* идти въ церковь. Никакой наблюдательный человѣкъ не могъ не замѣтить особливо пустынного вида города приблизительно отъ восьми до десяти часовъ утра каждое *Воскресенье*. Между десятью и одиннадцатью часами улицы очень людны, но не въ такое раннее время, какое указано.

„Есть и еще другой пунктъ, въ которомъ „Le Commer-

cial“, повидимому, выказывает малую *наблюдательность*. „Обрывокъ одной изъ юбокъ несчастной дѣвушки“, говоритъ газета, „въ два фута длины и въ одинъ футъ ширины былъ вырванъ и завязанъ подъ ея подбородкомъ и закрѣпленъ на затылкѣ, вѣроятно, съ цѣлью предупредить крики. Это было сдѣлано молодцами, у которыхъ не было носового платка“. Основана или не основана такая догадка, мы это постараемся разсмотрѣть потомъ; подъ „молодцами, у которыхъ нѣтъ носового платка“, газета разумѣетъ низшій классъ мошенниковъ. Они, однакоже, представляютъ изъ себя какъ разъ такой разрядъ людей, у какового всегда найдутся носовые платки, даже тогда, когда у нихъ нѣтъ рубашки. Вы должны были имѣть случай замѣтить, какъ для законченнаго негодяя безусловно сдѣлалось необходимымъ за послѣдніе годы имѣть носовой платокъ.

„А что вы думаете“, спросилъ я, „о статьѣ въ „Le Soleil“?

„Что въ высокой степени жаль, что авторъ ея не родился попугаемъ—въ каковомъ случаѣ онъ былъ бы знаменитѣйшимъ изъ попугаевъ. Онъ просто повторилъ отдѣльные отрывки, уже опубликованныхъ мнѣній, собравши ихъ съ похвальнымъ прилежаніемъ изъ одной газеты и изъ другой. „Данныя вещи“, говоритъ онъ, „по всей очевидности, находились здѣсь, по крайней мѣрѣ, три или четыре недѣли, и не можетъ быть *никакого* сомнѣнія, что мѣсто этого ужасающаго злодѣянія открыто“. Факты, снова подтверждаемые здѣсь газетой „Le Soleil“, далеко не устраняютъ моихъ собственныхъ сомнѣній касательно даннаго пункта, и мы разсмотримъ ихъ болѣе тщательно позднѣе въ сравненіи съ другою частью темы.

„Теперь мы должны заняться другими вопросами. Вы не могли не замѣтить крайней небрежности въ осмотрѣ тѣла. Конечно, вопросъ о тождествѣ могъ быть разрѣшенъ легко, или долженъ былъ быть разрѣшенъ легко,

но тутъ были другіе пункты для удостовѣренія. Было ли тѣло какимъ-нибудь образомъ *ограблено*? Были ли на покойной какія-либо драгоценности, когда она выходила изъ дому? Если это такъ, было ли на ней что-нибудь, когда ее нашли? Это важные вопросы, совершенно не тронутые показаніями; а есть еще и другіе равной важности, на которые не обратили вниманія. Дѣло Сэнтъ-Эташа должно быть пересмотрѣно. Я не имѣю относительно него подозрѣній, но будемъ разсматривать методически. Мы, безъ сомнѣнія, разсмотримъ цѣнность его *показаній* касательно времяпрепровожденія въ Воскресенье. Показанія такого характера легко дѣлаются предметомъ мистификаціи. Если, однако, въ нихъ все находится въ порядкѣ, мы вычеркнемъ Сэнтъ Эташа изъ нашихъ разслѣдованій. Его самоубійство, хотя и подтверждало бы подозрѣніе, если бы въ его показаніяхъ былъ найденъ обманъ, ни въ какомъ отношеніи не является—безъ такого обмана—обстоятельствомъ необъяснимымъ, и отнюдь не побуждастъ насъ уклониться отъ линіи обычнаго анализа.

„Въ томъ, что я вамъ предлагаю теперь, мы отбросимъ внутренніе пункты этой трагедіи и сосредоточимъ наше вниманіе на внѣшнихъ ея очертаніяхъ. Не наименьшею изъ обычныхъ ошибокъ, при разслѣдованіяхъ такого рода, является ограниченіе слѣдствія непосредственно ближайшимъ, съ полнымъ пренебреженіемъ къ сопутствующимъ или побочнымъ обстоятельствамъ. Это злокачественная практика судовъ ограничивать разслѣдованіе и обсужденіе дѣла предѣлами кажущихся отношеній. Опытъ же показалъ, и истинная философія всегда покажетъ, что огромная, быть можетъ, самая обширная часть истины проистекаетъ изъ того, что, какъ кажется, не имѣетъ къ данному предмету никакого отношенія. Это на основаніи духа такого принципа, если не въ точности на основаніи его буквы, современное знаніе рѣшило *разсчитывать на непредвидѣнное*. Но, быть можетъ, вы не понимаете меня.

Исторія человѣческаго знанія такъ непрерывно показала, что побочнымъ, или неважнымъ, или случайнымъ обстоятельствамъ мы обязаны самыми многочисленными и самыми цѣнными открытіями, что давно стало необходимымъ, въ каждомъ сколько-нибудь дальновидномъ планѣ улучшеній, предполагать не только широкія, но и широчайшія, возможности открытій, которыя произойдутъ благодаря случаю, и совершенно за предѣлами обычнаго ожиданія. Болѣе уже не философично основывать вѣдѣніе того, что будетъ на томъ, что было. *Случай* допущенъ какъ часть въ основаніе. Мы дѣлаемъ случайность предметомъ безусловнаго расчета. Мы вводимъ непредвидѣнное и невообразимое въ школьныя математическія *формулы*.

„Я повторяю, это не больше—не меньше какъ фактъ, что наиболѣе широкая часть всякой истины протекла изъ побочнаго; и лишь согласуясь съ духомъ принципа, введеннаго въ данный фактъ, я хотѣлъ бы отвлечь слѣдствіе въ настоящемъ дѣлѣ отъ затоптанной и доселѣ безплодной почвы самаго событія, къ одновременнымъ обстоятельствамъ, его окружающимъ. Въ то время какъ вы будете провѣрять правдивость показаній Сэнтъ-Эсташа, я рассмотрю газеты въ болѣе общемъ оглядѣ, чѣмъ вы это доселѣ сдѣлали. До сихъ поръ мы лишь подвергали развѣдкѣ поле изслѣдованія; но было бы, по истинѣ, страннымъ, если бы цѣльное разсмотрѣніе указаній прессы, какъ я его предполагаю сдѣлать, не дало намъ нѣсколькихъ частичныхъ пунктовъ, которые установятъ *направленіе* слѣдствія“.

Согласно съ мыслью Дюпена, я тщательно разсмотрѣлъ все дѣло о показаніяхъ Сэнтъ-Эсташа, и въ результатъ составилъ твердое убѣжденіе въ полной ихъ добросовѣстности и въ слѣдующей отсюда его невинности. Въ то же самое время мой другъ занялся внимательнымъ разсмотрѣніемъ многочисленныхъ газетныхъ столбцовъ, со тщательностью, которая казалась мнѣ совершенно без-

предметной. Въ концѣ недѣли онъ положилъ предо мною слѣдующія выдержки:

„Года три съ половиною тому назадъ волненіе, подобное настоящему было причинено исчезновеніемъ той же самой Мари Рожэ изъ парфюмернаго магазина Monsieur Ле Блана въ Палэ Ройялѣ. Въ концѣ недѣли, однако, она вновь появилась за своей обычной конторкой въ полномъ благополучіи, если исключить легкую блѣдность, не вполне обычную. Monsieur Ле Бланъ и ея мать говорили, что она просто была въ гостяхъ у какихъ-то друзей за городомъ, и дѣло это было быстро забыто. Мы предполагаемъ, что настоящее ея отсутствіе есть нѣкоторый капризъ того же самого рода, и что по истеченіи недѣли, или быть можетъ мѣсяца, она снова будетъ среди насъ“.— „Journal du Soir“—Понедѣльникъ, 23 Іюня *).

„Одна вечерняя газета во вчерашнемъ своемъ номерѣ говоритъ о прежнемъ таинственномъ исчезновеніи Mademoiselle Рожэ. Вполнѣ извѣстно, что въ теченіи недѣли своего отсутствія она была въ обществѣ молодого морского офицера, весьма извѣстнаго кутежными своими наклонностями. Ссора, какъ предполагаютъ, провиденціально привела ее къ возвращенію домой. Намъ извѣстно имя сего Лотаріо, который въ настоящее время находится въ Парижѣ, но, по причинамъ очевиднымъ, мы воздерживаемся отъ его опубликованія.—„Le Mercure“—Вторникъ, утро, 24 Іюня **).

„Преступленіе, самого отвратительнаго характера, было совершено въ окрестностяхъ этого города третьяго дня. Одинъ господинъ со своею женою и дочерью прибѣгъ въ сумерки къ услугамъ шести молодыхъ людей, которые праздно катались на лодкѣ около береговъ Сены, чтобы они перевезли его черезъ рѣку. Причаливъ къ противо-

*) New-York „Express“.

**) New-York „Herald“.

положному берегу, три эти пассажира вышли и ушли уже такъ далеко, что потеряли изъ виду лодку, какъ вдругъ дѣвушка замѣтила, что она оставила тамъ свой зонтикъ. Она вернулась за нимъ, была схвачена этой шайкой, ее увлекли въ лодкѣ, завязали ей ротъ, обошлись съ ней звѣрски и, наконецъ, оставили на берегу, недалеко отъ того мѣста, гдѣ она первоначально вошла въ лодку со своими родителями. Негодяи скрылись и пока скрываются, но полиція напала на ихъ слѣдъ и нѣкоторые изъ нихъ вскорѣ будутъ арестованы". — „Journal du Matin“, 25 Юня *).

„Мы получили два-три сообщенія, клонящіяся къ тому, чтобы приписать недавнее отвратительное преступленіе Меннэ **); но такъ какъ упомянутое лицо было совершенно освобождено отъ обвиненія слѣдственной властью, и такъ какъ доводы различныхъ нашихъ корреспондентовъ, по видимости, отличаются бѣльшимъ рвеніемъ, чѣмъ глубиной, мы не считаемъ подходящимъ опубликовывать ихъ“. — „Journal du Matin“, 28 Юня ***).

„Мы получили нѣсколько сообщеній, весьма энергично написанныхъ и проистекающихъ, повидимому, изъ различныхъ источниковъ, изъ коихъ явствуетъ съ достовѣрностью, что несчастная Мари Рожэ сдѣлалась жертвой одной изъ многочисленныхъ шаякъ негодяевъ, которая заражаетъ своимъ присутствіемъ окрестности города по воскресеньямъ. Наше собственное мнѣніе рѣшительно склоняется въ пользу этого предположенія. Мы постараемся изложить впредь нѣкоторые изъ нашихъ аргументовъ. — „Journal du Soir“, Вторникъ, 31 Юня ****).

„Въ понедѣльникъ одинъ изъ лодочниковъ, находящихся

*) New York „Courier and Inquirer“.

**) Меннэ былъ однимъ изъ первоначально заподозрѣнныхъ и арестованныхъ, но былъ отпущенъ за полнымъ отсутствіемъ уликъ.

***) New York „Courier and Inquirer“.

****) New York „Evening Post“.

на службѣ у государственной казны, увидѣлъ пустую лодку, плывущую внизъ по Сенѣ. Паруса лежали на дни лодки. Лодочникъ привелъ лодку къ навигаціонной конторѣ. На слѣдующее утро лодка была взята оттуда безъ вѣдома кого-либо изъ служащихъ. Руль находится въ конторѣ“. — „La Diligence“, Четвергъ, 26 Іюня *).

По прочтеніи этихъ различныхъ отрывковъ, они не только показались мнѣ не относящимися къ дѣлу, но я не могъ понять, какимъ образомъ какой-нибудь изъ нихъ могъ быть приведенъ въ соотношеніе съ даннымъ дѣломъ. Я ждалъ нѣкоторыхъ разъясненій отъ Дюпена.

„Я не намѣренъ“, сказалъ онъ, „*останавливаться* въ данную минуту на первомъ и второмъ отрывкѣ. Я переписалъ ихъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы показать вамъ крайнюю небрежность полиции, которая, насколько я могъ понять Префекта, нисколько не побеспокоилась допросить морского офицера, на коего было указано. Между тѣмъ, это прямо безумно говорить, что между первымъ и вторымъ исчезновеніемъ Мари нельзя *предполагать* связи. Допустимъ, что первый побѣгъ былъ слѣдствіемъ ссоры между возлюбленными, и что благодаря этому обманутая дѣвушка вернулась домой. Мы подготовлены разсматривать второй *побѣгъ* (если мы знаемъ, что побѣгъ снова имѣлъ мѣсто), какъ указаніе на возобновленіе попытокъ приблизиться со стороны измѣнника, скорѣе чѣмъ какъ на результатъ новыхъ предложеній какого-нибудь другого лица—мы подготовлены смотрѣть на него, какъ на „починку“ старой *любви* скорѣе, чѣмъ какъ на начало новой. Десять противъ одного говорятъ, что тотъ, кто однажды бѣжалъ съ Мари, снова предложить ей побѣгъ, скорѣе, чѣмъ предположить, что Мари, которой были сдѣланы предложенія побѣга, получила эти предложенія отъ кого-нибудь другого. И здѣсь, позвольте мнѣ

*) New York „Standard“.

обратить ваше вниманіе на тотъ фактъ, что время, прошедшее между первымъ удостовѣреннымъ побѣгомъ и вторымъ предполагаемымъ, лишь на нѣсколько мѣсяцевъ больше, чѣмъ обычный срокъ времени крейсированія нашихъ военныхъ кораблей. Не былъ ли влюбленный прерванъ въ первой своей низкой попыткѣ необходимостью отплытія въ море, и не воспользовался ли онъ первой минутой своего возвращенія для того, чтобы возобновить низкіе замыслы не выполнѣ еще осуществленные, или не выполнѣ еще осуществленные *имъ*? Обо всемъ этомъ мы не знаемъ ничего.

„Вы скажете, однако, что во второмъ случаѣ вовсе не было воображаемаго побѣга. Конечно, нѣтъ—но развѣ мы можемъ сказать, что здѣсь не было неудавшагося замысла? Кромѣ Сэнтъ-Эсташа и, быть можетъ, Бовэ, мы не знаемъ никакого признаннаго, открытаго, уважаемаго ухаживателя Мари. Ни о какомъ другомъ не было ничего говорено. Кто же этотъ тайный возлюбленный, о которомъ близкіе (*по крайней мѣрѣ, большая часть изъ нихъ*) не знаютъ ничего, но съ которымъ Мари встрѣчается въ Воскресенье утромъ, и который пользуется такимъ глубокимъ ея довѣріемъ, что она не колеблется оставаться съ нимъ до сумерекъ среди пустынныхъ рощицъ Заставы Руль? Кто этотъ тайный возлюбленный, спрашиваю я, о которомъ, по крайней мѣрѣ, *большая часть* близкихъ не знаютъ ничего? И что означаетъ это странное пророчество Madame Рожэ въ утро ухода Мари? — „Я боюсь, что я никогда больше не увижу Мари“.

„Но, если мы не можемъ представить, чтобы Madame Рожэ была освѣдомлена о намѣреніи сдѣлать побѣгъ, развѣ мы не можемъ, по крайней мѣрѣ, предполагать, что у дѣвушки такое намѣреніе было? Уходя изъ дому, она дала понять, что она идетъ къ своей теткѣ на улицу Дромъ, и Сэнтъ-Эсташу было поручено придти за ней съ наступленіемъ вечера. На первый взглядъ этотъ фактъ

сильно противорѣчитъ моему предположенію, но размыслимъ немного. Что она встрѣтила какого-то человѣка, съ которымъ была и переѣхала съ нимъ черезъ рѣку, достигнувъ Заставы Руль въ такой поздній часъ, какъ три часа по полудни, это извѣстно. Но, согласившись сопровождать его (*для какой бы то ни было цѣли — известной или неизвестной ея матери*), она должна была думать о намѣреніи, выраженномъ ею при уходѣ изъ дома, должна была думать объ удивленіи и подозрѣніи, которыя возникнутъ въ сердцѣ ея жениха, Сэнтъ-Эсташа, когда, зайдя за нею въ назначенный часъ на улицу Дромъ, онъ узналъ бы, что она тамъ не была, и когда, кромѣ того, возвратившись съ этою тревожною новостью въ пансіонъ, онъ узналъ бы, что ея все еще нѣтъ и дома. Она должна была думать обо всемъ этомъ, говорю я. Она должна была предвидѣть огорченіе Сэнтъ-Эсташа, подозрѣніе, возникающее у всѣхъ. Она не могла подумать о возвращеніи домой, чтобы встать лицомъ къ лицу съ такими подозрѣніями; но подозрѣнія сдѣлались бы для нея обстоятельствомъ маловажнымъ, если мы предположимъ, что она не намѣревалась возвращаться.

„Мы можемъ вообразить ее размышляющею такъ — „я встрѣчу извѣстное лицо съ цѣлью побѣга, или для какихъ-либо иныхъ намѣреній, извѣстныхъ только мнѣ. Необходимо, чтобы намъ никакъ не помѣшали — мы должны имѣть достаточно времени, чтобы избѣгнуть погони — я скажу, что я хочу навѣстить мою тетку на улицѣ Дромъ и проведу съ нею этотъ день — я скажу Сэнтъ-Эсташу, чтобы онъ не приходилъ за мною до сумерекъ — такимъ образомъ, мое отсутствіе изъ дому на самый долгій по возможности срокъ, безъ возбужденія подозрѣнія или беспокойства, можетъ быть осуществлено, и я выиграю больше времени, чѣмъ какимъ-нибудь другимъ способомъ. Если я попрошу Сэнтъ-Эсташа не приходить за мною до сумерекъ, онъ, конечно, раньше не придетъ;

но если я вовсе не попрошу его заходить за мной, мое время, нужное мнѣ для побѣга, будетъ уменьшено, такъ какъ будутъ ждать, что я вернусь раньше, и мое отсутствіе скорѣй возбудитъ безпокойство. Если бъ я имѣла намѣреніе возвратиться—если-бы я замышляла только прогулку съ упомянутымъ лицомъ—съ моей стороны было бы неблагоразумно просить Сэнтъ-Эсташа зайти; потому что, зайдя, онъ *конечно* бы узналъ, что я его обманула—фактъ, относительно котораго я могла бы всегда держать его въ невѣдѣніи, если бъ вышла изъ дому, не предупредивъ его о моемъ намѣреніи, вернулась домой до сумерекъ, и потомъ говорила бы, что я была у моей тетки на улицѣ Дромъ. Но, такъ какъ я имѣю намѣреніе *никогда* не возвращаться, или не возвращаться нѣсколько недѣль, или до того какъ нѣчто будетъ скрыто—выиграть время, это единственное, о чемъ мнѣ нужно заботиться“.

„Вы указали въ вашихъ замѣткахъ, что распространеннымъ мнѣніемъ касательно этого прискорбнаго дѣла является, и съ самаго начала было, то мнѣніе, что дѣвушка стала жертвою *шайки* негодяевъ. Народнымъ же мнѣніемъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, нельзя пренебрегать. Когда оно возникаетъ само собою—когда оно проявляется совершенно самопроизвольно, мы должны смотрѣть на него, какъ на нѣчто подобное той *интуиции*, которая является отличительной чертой гениальнаго чловека. Въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста я буду настаивать на такомъ рѣшеніи. Но весьма важно, чтобы мы не находили осязательныхъ слѣдовъ *внушенія*. Мнѣніе должно быть въ точности собственнымъ мнѣніемъ *публички*; и такое различіе часто чрезвычайно трудно отмѣтить и точно провести. Въ данномъ случаѣ мнѣ кажется, что „общественное мнѣніе“ касательно *шайки* было обусловлено побочнымъ событіемъ, изложеннымъ въ третьемъ изъ отрывковъ, которые я даю. Весь Парижъ

взволнованъ открытіемъ тѣла Мари, дѣвушки молодой, красивой и извѣстной. Тѣло это найдено носящимъ слѣды насилія и плывущимъ по рѣкѣ. Но теперь извѣстно, что въ то же самое время, или около того самаго времени, въ которое, какъ предполагають, была убита дѣвушка, преступленіе подобное по характеру тому, что претерпѣла покойная, хотя меньшее по размѣрамъ, было совершено шайкой молодыхъ негодяевъ надъ личностью другой молодой дѣвушки. Удивительно ли, что одно, сдѣлавшееся извѣстнымъ, жестокое преступленіе повліяло на народное сужденіе примѣнительно къ другому неизвѣстному? Сужденіе ждало направленія, и, сдѣлавшееся извѣстнымъ преступленіе, по-видимому, съ такимъ удобствомъ давало его! Мари тоже была найдена на рѣкѣ; и на этой самой рѣкѣ было совершено это извѣстное преступленіе. Связь между двумя событіями имѣетъ вокругъ себя такъ много осязательнаго, что было бы совершеннымъ чудомъ, если бы толпа *преминула* оцѣнить эту связь и ухватиться за нее. На дѣлѣ же, какое-либо преступленіе, относительно котораго извѣстно, что оно было совершено такъ то, есть свидѣтельство (если оно есть какое-нибудь свидѣтельство), что другое преступленіе, совершенное приблизительно въ то же самое время, было совершено *не* такъ. Было бы, на самомъ дѣлѣ, настоящимъ чудомъ, если бы, въ то время какъ шайка негодяевъ совершала въ данной мѣстности самое неслыханное злодѣяніе, въ подобной же мѣстности была другая подобная же шайка, въ томъ же самомъ городѣ, при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, съ тѣми же самыми средствами и приѣмами, совершающая злодѣяніе какъ разъ такого же самаго свойства, въ точности въ то же самое время! А во что же, если не въ этотъ удивительный рядъ совпаденій, приглашаетъ насъ вѣрить, подвергнувшееся случайному *внушенію* мнѣніе толпы?

„Прежде чѣмъ продолжать дальше, рассмотримъ предполагаемое мѣсто свершенія убійства въ лѣсной чащѣ

около Заставы Руль. Чаша, хотя густая, находится совсемъ близко отъ проѣзжей дороги. Тамъ есть три-четыре большіе камня, образующіе родъ кресла со спинкой и сидѣньемъ. На верхнемъ камнѣ была усмотрѣна бѣлая юбка; на второмъ шелковый шарфъ. Тамъ были найдены также: зонтикъ, перчатки, носовой платокъ. Носовой платокъ былъ помѣченъ именемъ Мари Рожэ. Клочки одежды были найдены на вѣткахъ кругомъ. Земля была утоптана, кусты были поломаны, и во всемъ были явные слѣды сильной борьбы.

„Несмотря на ликованіе, съ которымъ было встрѣчено прессой открытіе этой чащи, и единодушіе, съ которымъ было предположено, что было открыто настоящее мѣсто преступленія, необходимо допустить, что тутъ есть нѣкоторыя весьма основательныя причины для сомнѣнія. Что тутъ было преступленіе, въ это я могу вѣрить, или не вѣрить—но причинъ сомнѣваться достаточно. Если бы настоящее мѣсто преступленія было, какъ полагаетъ „Le Commercial“, по сосѣдству съ улицей Сэнтъ-Андрэ, преступники, при предположеніи, что они еще находятся въ Парижѣ, естественно были бы очень испуганы тѣмъ, что общественное вниманіе было, такимъ образомъ, направлено прямо на вѣрную дорогу; и въ умахъ извѣстнаго разряда потчасъ возникло бы чувство необходимости постараться какимъ-нибудь образомъ отвлечь это вниманіе. Итакъ, разъ чаша Заставы Руль была уже заподозрѣна, мысль положить туда, найденные тамъ, предметы, могла возникнуть совершенно естественно. Несмотря на предположеніе газеты „Le Soleil“, нѣтъ никакой дѣйствительной очевидности, что найденные предметы находились въ чашѣ болѣе чѣмъ сколько-то дней; въ то время какъ есть много обстоятельныхъ доказательствъ, что они не могли бы тамъ находиться, не обративъ на себя чьего либо вниманія, въ продолженіи двадцати дней, прошедшихъ между роковымъ Воскресеньемъ и тѣмъ послѣ полудни,

когда они были найдены дѣтьми. „Всѣ они были покрыты густою *ржавчиной*“, говорить „Le Soleil“, повторяя мнѣнія своихъ предшественниковъ, „отъ дѣйствія дождя, и слиплись вмѣстѣ отъ *ржавчины*. Кругомъ выросла трава, покрывавшая нѣкоторые изъ предметовъ. Шелкъ на зонтикѣ былъ плотный, но нити внутри стянулись. Верхняя часть тамъ, гдѣ она была на подкладкѣ и сложена, вся была покрыта *ржавчиной* и сгнила; когда зонтикъ раскрывали, онъ разорвался“. Что касается травы, „выросшей кругомъ и покрывавшей нѣкоторые изъ предметовъ“, явно, что этотъ фактъ могъ быть удостовѣренъ только изъ словъ двухъ маленькихъ мальчиковъ и, такимъ образомъ, по воспоминанію; ибо они взяли эти предметы и отнесли ихъ домой, прежде чѣмъ ихъ увидѣлъ кто-либо третій. Но трава растетъ, особенно въ теплую и сырую погоду (какъ это было во время убійства), на два и на три дюйма въ одинъ день. Зонтикъ, лежащій на почвѣ, покрытой свѣжимъ газономъ, въ теченіе одной недѣли могъ бы быть совершенно сокрытъ растущей травой. Что касается *ржавчины*, на которой газета „Le Soleil“ настаиваетъ такъ упорно, что употребляетъ это слово не менѣе трехъ разъ въ короткомъ отрывкѣ, только что приведенномъ, она, очевидно, не освѣдомлена о природѣ этой *ржавчины*? Нужно ли говорить ей, что это одинъ изъ многочисленныхъ разрядовъ *грибка*, коего наиболѣе обычное свойство — возникновеніе и порча въ предѣлахъ двадцати четырехъ часовъ?

„Такимъ образомъ мы сразу видимъ, что именно то самое, что было съ такимъ торжествомъ приводимо въ подкрѣпленіе мысли, будто бы данные предметы находились въ чащѣ „по крайней мѣрѣ три или четыре недѣли“, есть самый абсурдный пустякъ и вовсе не служить доказательствомъ этого факта. Съ другой стороны, чрезвычайно трудно повѣрить, чтобы данные предметы могли оставаться въ указанной чащѣ болѣе чѣмъ одну недѣлю—

болѣе чѣмъ отъ одного воскресенья до другого воскресенья. Тѣ, которые знаютъ что-нибудь объ окрестностяхъ Парижа, знаютъ, какъ необыкновенно трудно найти какой-нибудь уединенный уголокъ, развѣ что будешь отыскивать его на большомъ разстояніи отъ Парижскихъ предмѣстій. Чтобы тамъ былъ какой-либо не изслѣдованный или хотя бы не часто посѣщаемый уголокъ, въ лѣсу или въ рощахъ, этого даже и на мгновеніе нельзя себѣ вообразить. Пусть кто-нибудь, кто, сердечно любя Природу, но прикованъ своими обязанностями къ пыли и духотѣ этой большой столицы—пусть онъ попытается, хотя бы даже въ будни, удовлетворить свою жажду уединенія среди картинъ природной красоты, насъ непосредственно окружающихъ—на каждомъ шагу онъ увидитъ, что растущее очарованіе разрушено голосомъ и личнымъ вторженіемъ какого-нибудь мошенника, или цѣлой компаніи пирующихъ негодяевъ. Напрасно онъ будетъ искать уединенности среди самой густой листвы. Тутъ-то и находятся тѣ самые уголки, гдѣ наиболѣе изобилуютъ неумытые—тутъ-то и находятся храмы наиболѣе оскверненные. Съ болью въ сердцѣ блуждающій странникъ устремится назадъ въ загрязненный Парижъ, какъ къ менѣе ненавистой, ибо менѣе нелѣпой, помойной ямѣ. Но если окрестности города такъ заполонены въ будничные дни недѣли, что же дѣлается въ праздникъ! Именно тогда освобожденный отъ необходимостей работы, или лишенный обычныхъ возможностей свершенія преступленія, городской мошенникъ устремляется за предѣлы города, не по любви ко всему деревенскому, что онъ въ сердцѣ своемъ презираетъ, но дабы ускользнуть отъ общественныхъ препонъ и условностей. Не столько онъ хочетъ свѣжаго воздуха и зеленыхъ деревьевъ, сколько возникающей здѣсь *распущенности*. Здѣсь, въ придорожномъ кабачкѣ, или подъ вѣтвями деревьевъ, онъ усаживается, неудерживаемый ничѣмъ глазомъ, кромѣ очей своихъ

добрыхъ сотоварищей, всѣми полоумными излишествами поддѣльнаго веселья, являющагося слитнымъ отпрыскомъ вольности и рома. Я не говорю ничего, кромѣ того, что должно быть очевидно для каждого безпристрастнаго наблюдателя, когда повторяю, что, если упомянутые предметы оставались неоткрытыми болѣе, чѣмъ отъ одного воскресенья до другого, въ *какой-либо* лѣсной чащѣ по близости отъ Парижа, на это нужно смотрѣть какъ на нѣкоторое чудо.

„Но не отсутствуютъ и другія основанія для подозрѣнія, что предметы эти были положены сюда съ цѣлью отвлечь вниманіе отъ дѣйствительнаго мѣста преступленія. И, прежде всего, позвольте мнѣ указать вамъ на *дату* открытія предметовъ. Сравните ее съ датой пятаго отрывка, выписаннаго мною изъ газетъ. Вы увидите, что открытіе произошло почти тотчасъ послѣ за спѣшными сообщеніями, посланными въ вечернія газеты. Эти сообщенія, хотя они разнообразны и, повидимому, изъ разныхъ источниковъ, стремились всѣ къ одному и тому же—то-есть обратить вниманіе на *шайку*, какъ на виновниковъ преступленія, и на окрестности Заставы Руль, какъ на мѣсто преступленія. Конечно, у насъ нѣтъ подозрѣнія, что вслѣдствіе этихъ сообщеній, или вслѣдствіе общественнаго вниманія, ими направленнаго, данные предметы были найдены дѣтьми, но подозрѣніе могло бы и должно бы было возникнуть относительно того, что, разъ предметы эти не были найдены дѣтьми *раньше*, ихъ раньше не было въ чащѣ; что они были положены туда гораздо позднѣе, одновременно съ датой сообщенія, или незадолго передъ этимъ, преступными авторами этихъ самыхъ сообщеній.

„Это чаша особенная—совершенно особенная. Она необыкновенно густая. Въ предѣлахъ ея естественныхъ загородекъ, тамъ находятся три необыкновенные камня, образующіе родъ кресла со спинкой и сидѣньемъ. И эта

чаща, столь отмѣченная природнымъ искусствомъ, находится въ непосредственной близости, *всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ*, отъ жилища Madame Делюкъ, мальчики которой имѣли обыкновеніе внимательно осматривать кусты, находящіеся тамъ, отыскивая коры сассафрасса. Было ли бы опрометчивымъ биться объ закладъ—на тысячу противъ одного—что и *дня* никогда не проходило безъ того, чтобы, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ изъ этихъ мальчиковъ укрылся въ этотъ тѣнистый чертогъ и возсѣлъ на природный его престолъ. Тѣ, которые стали бы колебаться держать такое пари, или сами не были дѣтьми, или позабыли о свойствахъ дѣтской природы. Я повторяю—чрезвычайно трудно понять, какимъ образомъ эти предметы могли оставаться въ данной чашѣ не открытыми въ теченіи болѣе долгаго времени, чѣмъ день или два; и такимъ образомъ, здѣсь есть доброе основаніе подозрѣвать, несмотря на догматическое невѣжество газеты „Le Soleil“, что предметы эти были положены тамъ, гдѣ они были найдены, въ сравнительно болѣе позднѣе время.

„Но есть еще другіе доводы за то, что они были такъ положены—болѣе сильныя чѣмъ тѣ, на которые я указалъ. И теперь позвольте обратить мнѣ ваше вниманіе на размѣщеніе предметовъ, въ высшей степени искусственное. На *верхнемъ* камнѣ лежала бѣлая юбка; на *второмъ*—шелковый шарфъ; разбросанные кругомъ тамъ находились еще зонтикъ, перчатки, и носовой платокъ, помѣченный именемъ Мари Рожэ. Это какъ разъ такое расположеніе предметовъ, которое *естественно* сдѣлалъ бы какой-нибудь не слишкомъ острый человекъ, желающій расположить предметы *естественно*. Но это никоимъ образомъ не *дѣйствительно* естественное расположеніе предметовъ. Я бы скорѣе согласился увидѣть вещи лежащими *въ вмятѣ* и затоптанными. Въ узкихъ предѣлахъ этой природной бесѣдки врядъ ли было бы возможно, чтобы юбка и шарфъ сохранили свое мѣсто на камняхъ,

разъ ихъ могли смести оттуда сильныя движенія въ разныя стороны — нѣсколькихъ борющихся людей. „Совершенно явно“, было сказано, „что здѣсь была борьба; земля была утоптана и кусты поломаны“. — А юбка и шарфъ найдены положенными, какъ на полкѣ. „Ключья ея платья, оборвавшіеся на кустахъ, были приблизительно три дюйма въ ширину и шесть дюймовъ въ длину. Одинъ обрывокъ былъ оборкой платья, и онъ былъ заштопанъ. Они имѣли видъ оторванныхъ полосъ“. Здѣсь „Le Soleil“, того не замѣчая, употребляетъ въ высшей степени подозрительныя выраженія. Куски, какъ они описаны, дѣйствительно имѣютъ видъ „оторванныхъ полосъ“, но оторванныхъ нарочно и рукой. Это очень рѣдкостный случай, чтобы кусокъ, вырванный изъ какого-либо платья, такой, какъ здѣсь описываемый, былъ оторванъ дѣйствіемъ *шипа*. Въ силу самого свойства такой матеріи, шипъ или гвоздь, запутавшись въ нее, разрываетъ его прямоугольно — раздѣляетъ ее на двѣ продольныя полосы, подъ прямымъ угломъ одна къ другой, и встрѣчающіяся наверху, тамъ, гдѣ вошелъ шипъ, — но врядъ ли возможно представить себѣ такой „оторванный“ кусокъ. Я никогда такого не видалъ, ни вы. Чтобы оторвать кусокъ *отъ* такой матеріи, нужны почти въ каждомъ требуемомъ случаѣ двѣ различныя силы въ разныхъ направленіяхъ. Если у матеріи два края — если, напримѣръ, это носовой платокъ, отъ котораго желаютъ огорвать полосу, тогда, и только тогда, одна сила послужитъ цѣли. Но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о платьѣ, представляющемъ лишь одинъ край. Чтобы вырвать кусокъ изъ внутренней части платья, гдѣ края нѣтъ, необходимо нѣкоторое чудо въ примѣненіи шиповъ, а *одинъ* шипъ не могъ бы этого сдѣлать. Но даже тамъ, гдѣ есть край, необходимы два шипа, дѣйствующіе въ двухъ различныхъ направленіяхъ. И это въ предположеніи, что край — безъ оборки. Если онъ съ оборкой, фактъ дѣлается почти невозможностью. Мы ви-

димъ, такимъ образомъ, какія многочисленныя и большія препятствія мѣшаютъ тому, чтобы, благодаря простому дѣйствию „шиповъ“, были „оторваны“ клочки платья; а насъ заставляютъ вѣрить, что не только одинъ кусокъ былъ оторванъ, но нѣсколько. И одинъ, кромѣ того, „былъ оборкой платья“! Другой былъ „частью юбки, не оборкой“, то-есть, былъ вырванъ совершенно, дѣйствию шиповъ, изъ внутренней части платья! Вотъ, говорю я, вещи, въ которыя позволительно не повѣрить; но, если ихъ взять всѣ вмѣстѣ, они представляютъ, быть можетъ, менѣе разумныхъ основаній для подозрѣнія, чѣмъ то одно поразительное обстоятельство, что предметы эти были оставлены въ данной чащѣ какими бы то ни было *убійцами*, которые имѣли достаточно предусмотрительности, чтобы унести тѣло. Вы, однако, неправильно поняли мою мысль, если бѣ предположили, во мнѣ желаніе *отрицать*, что эта чаща была мѣстомъ преступленія. Несчастье могло произойти *здѣсь*, или, болѣе вѣроятно, случай — произошелъ у Madame Делюкъ. Но, въ концѣ концовъ, это представляетъ лишь второстепенную важность. Мы задались цѣлью не открыть мѣсто преступленія, а найти виновниковъ убійства. Несмотря на все вниманіе къ подробностямъ, съ какою я дѣлала свои наведенія, я дѣлала ихъ, во-первыхъ, съ цѣлью показать нелѣпость увѣренныхъ и опрометчивыхъ утвержденій газеты „Le Soleil“, во-вторыхъ же, и главнымъ образомъ, чтобы привести васъ самымъ естественнымъ путемъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію сомнѣнія, было ли это убійство дѣломъ *шайки* или нѣтъ.

„Мы прикоснемся къ этому вопросу простымъ намекомъ на возмутительныя подробности, указываемыя хирургомъ, производившимъ осмотръ тѣла. Необходимо только сказать, что опубликованныя имъ догадки касательно числа недоевъ, были справедливо высмѣяны, какъ несправедливыя и совершенно безосновныя, всѣми видными анатомами

Парижа. Не то, чтобы данный фактъ *не могъ* случиться такъ, какъ онъ указываетъ догадкой, но то, что здѣсь нѣтъ для догадки основанія—развѣ это не основаніе для догадки другой?

„Размыслимъ теперь о „слѣдахъ борьбы“, и позвольте мнѣ спросить, что такіе слѣды могли бы доказывать? Присутствіе шайки. Но не доказываютъ ли они скорѣе отсутствіе шайки? Какая *борьба* могла имѣть мѣсто—борьба, настолько сильная и настолько продолжительная, что она оставила свои „слѣды“ по всѣмъ направленіямъ — между слабою и беззащитною дѣвушкой и воображаемой „шайкой“ негодяевъ? Безмолвная хватка нѣсколькихъ грубыхъ рукъ, и все было бы кончено. Жертва должна была бы безусловно подчиниться ихъ волѣ. Вы будете помнить, что аргументы, приводимые противъ этой чащи, какъ мѣста преступленія, примѣнны, главнымъ образомъ, лишь при томъ предположеніи, что преступленіе совершено *болѣе чѣмъ однимъ человекомъ*. Если мы представимъ, что насильникъ былъ только *одинъ*, мы можемъ вообразить, и только такъ вообразить, борьбу настолько сильную и настолько упорную, чтобы могли остаться явные „слѣды“.

„И опять. Я уже говорилъ о томъ, насколько подозрительно, что данные предметы вообще могли оставаться въ той чащѣ, гдѣ они были найдены. Кажется почти невозможнымъ, чтобы эти свидѣтельства совершеннаго преступленія могли быть оставлены случайно тамъ, гдѣ они были найдены. Было достаточно присутствія духа (какъ предположено) унести тѣло; и однако же, еще болѣе положительное свидѣтельство, чѣмъ самое тѣло (черты котораго могли быть быстро измѣнены разложеніемъ) спокойно лежитъ себѣ самымъ явнымъ образомъ на мѣстѣ преступленія — я намекаю на платокъ съ именемъ покойницы. Если это была случайность, это не была случайность, указывающая на шайку. Мы можемъ вообразить здѣсь только одного человѣка. Разсмотримъ. Какой-то че-

ловѣкъ совершилъ убійство; онъ одинъ съ призракомъ отшедшаго. Онъ ужаснута тѣмъ, что лежитъ недвижно передъ нимъ. Бѣшенство страсти прошло. И въ сердца его достаточно есть мѣста для естественнаго ужаса передъ совершеннымъ дѣломъ. У него вовсе нѣтъ той увѣренности, которую неизбѣжно внушаетъ присутствіе нѣсколькихъ человѣкъ. Онъ *одинъ* съ мертвой. Онъ дрожитъ и онъ въ зачарованіи. Но трупъ необходимо устранить. Онъ относитъ его къ рѣкѣ, но оставляетъ за собою другія свидѣтельства преступленія; ибо унести всю тяжесть сразу трудно, если не невозможно; вернуться же за тѣмъ, что осталось, легко. Но, въ то время какъ съ трудомъ онъ доходитъ до воды, страхи его удвоены. Звуки жизни окружаютъ его путь. Десять разъ онъ слышитъ, или воображаетъ, что слышитъ, шагъ слѣдящаго. Самые свѣты, что въ городѣ, ошеломляютъ его. Но наконецъ, послѣ долгихъ и частыхъ паузъ глубокой агоніи, онъ достигаетъ берега рѣки и распоряжается по своему со страшной ношей—быть можетъ пользуясь при этомъ лодкой. Но *теперь*, какія сокровища въ мірѣ—какія угрозы отмщенія—будутъ настолько сильны, чтобы заставить этого одинокаго убійцу предпринять возвращеніе по этому трудному и опасному пути къ чащѣ съ ея напоминаніями, отъ которыхъ кровь стынетъ въ жилахъ? Будь, что будетъ, онъ *не* возвращается. Онъ *не* могъ бы вернуться, если бы хотѣлъ. Его единственная мысль—немедленное бѣгство. Онъ поворачивается спиной *навсегда* къ этимъ страшнымъ кустарникамъ, и бѣжитъ, какъ отъ грядущаго гнѣва.

„А какъ шайка? Численность шайки каждому въ ней внушила бы увѣренность; если, притомъ, увѣренности не хватаетъ въ груди отъявленнаго негодяя; а вѣдь только изъ отъявленныхъ негодяевъ предполагаемыя *шайки* и образуются. Ихъ численность, говорю я, уберегла бы ихъ отъ зачарованнаго слѣпого страха, который, какъ я представилъ, парализовалъ отдѣльнаго человѣка. Допустимъ

недосмотръ въ одномъ, въ двухъ, въ трехъ, четвертый исправить этотъ недосмотръ. Они не оставили бы за собою ничего; ибо ихъ число дало бы имъ возможность унести *все* сразу. Тутъ не было бы надобности *возвращаться*.

„Разсмотрите теперь то обстоятельство, что въ верхней одеждѣ, покрывавшей тѣло, когда оно было найдено, „была оторвана вверхъ отъ нижней оборки до талии полоса, около фута ширины, она была три раза обвита вокругъ талии, и закрѣплена на спинѣ нѣкотораго рода зацѣпкой“. Это было сдѣлано съ очевиднымъ намѣреніемъ образовать какъ бы *ручку*, за которую можно было бы нести трупъ. Но развѣ *нѣсколько* человѣкъ стали бы думать о такихъ ухищреніяхъ? Для трехъ-четырехъ человѣкъ, руки и ноги жертвы доставили бы не только достаточную, но и наилучшую возможность ухватиться. Этотъ замыселъ есть замыселъ отдѣльнаго человѣка; и это приводитъ насъ къ тому факту, что „между чащею и рѣкой изгороди были найдены пригнутыми внизъ, и почва хранила явные слѣды того, что здѣсь тащили какую-то значительную тяжесть“! Но развѣ стали бы *нѣсколько* человѣкъ предпринимать бесполезныя хлопоты, чтобы пригнуть изгороди и протаскать черезъ нихъ тѣло, когда они могли бы въ любую минуту *приподнять* его надъ какой угодно изгородью, и развѣ стали бы *нѣсколько* человѣкъ, вообще, такъ *тащить* тѣло, чтобы оставить *явные* слѣды?

„И здѣсь мы опять должны возвратиться къ замѣчанію „Le Commercial“я“, которое отчасти я уже объяснялъ. „Отрывокъ одной изъ юбокъ несчастной дѣвушки“, говорить эта газета, „былъ вырванъ и завязанъ подъ ея подбородкомъ, и закрѣпленъ на затылкѣ, вѣроятно, чтобы помѣшать крикамъ. Это было сдѣлано молодцами, у которыхъ не было носового платка“.

„Я уже раньше высказывался, что у настоящаго негодяя всегда *есть* носовой платокъ, но не на этотъ фактъ

я хочу обратить теперь ваше особенное вниманіе. Что такая перевязь была примѣнена для цѣли, выдуманной „Le Commercial’емъ“, не по недостатку въ носовомъ платкѣ, это дѣлается совершенно явнымъ, благодаря присутствію платка, оставленнаго въ чашѣ; и что это было не для того, чтобы „помѣшать крикамъ“, явствуетъ также изъ того, что данная перевязь была примѣнена предпочтительно передъ тѣмъ, что могло бы гораздо лучше послужить для данной цѣли. Но въ свидѣтельскихъ показаніяхъ сказано, что данная полоса „была найдена вокругъ шеи, приложенною свободно и закрѣпленной тугимъ узломъ“. Слова эти достаточно смутны, но существенно отличаются отъ словъ „Le Commercial’я“. Полоса была въ восемнадцать дюймовъ ширины, и поэтому, хотя бы изъ батиста, она должна была образовать крѣпкую бичевку, если ее сложить, или закрутить вдоль. И именно такимъ образомъ она и была закручена. Догадка моя такова. Одинокій убійца, пронеся тѣло на нѣкоторое разстояніе (изъ чащи ли, или изъ другого какого мѣста, съ помощью перевязи, закрѣпленной вокругъ талии), нашелъ, что тяжесть, если ее такъ нести, превышаетъ его силы. Онъ рѣшилъ тащить ее — и очевидность показываетъ, что ее *тащили*. Для этой цѣли сдѣлалось необходимымъ привязать къ одному изъ ея концовъ что-нибудь въ родѣ веревки. Лучше всего было закрѣпить перевязь вокругъ шеи, гдѣ голова помѣшала бы ей соскользнуть. И тутъ убійца подумалъ, безъ сомнѣнія, о перевязи, находившейся вокругъ бедеръ. Онъ воспользовался бы ею, если бы не то обстоятельство, что она была обмотана вокругъ тѣла, если бы, кромѣ того, не мѣшала зацѣпка, и то соображеніе, что она не была „оторвана“ отъ платья. Было легче оторвать новую полосу отъ юбки. Онъ оторвалъ ее, закрѣпилъ ее вокругъ шеи, и, такимъ образомъ, „оттащилъ“ свою жертву къ берегу рѣки. То обстоятельство, что эта „перевязь“, которую можно было получить

лишь съ хлопотами и промедленіемъ, и которая лишь не-совершенно отвѣчала своей цѣли—то обстоятельство, что эта перевязь *вообще* была примѣнена, доказываетъ, что необходимость ея примѣненія возникла, изъ соотвѣтствующихъ обстоятельствъ, въ то время, когда носового платка уже нельзя было достать, то-есть, согласно съ нашимъ представленіемъ, послѣ того какъ чаша была покинута (если то была чаша), и это случилось на дорогѣ между чашей и рѣкой.

„Но, скажете вы, показаніе Madame Делюкъ (!) указываетъ въ точности на присутствіе *шайки*, по сосѣдству съ чашей, во время совершенія убійства, или около того. Согласенъ. Я сомнѣваюсь лишь, не было ли цѣлыхъ *двѣнадцати* шаекъ вродѣ той, которую описала Madame Делюкъ, около Заставы Руль, или по сосѣдству съ ней, во время свершенія этой трагедіи, или *около* того. Но эта шайка, которая привлекла на себя столь непріязненное вниманіе Madame Делюкъ, и подала поводъ къ ея, нѣсколько запоздалому и очень подозрительному, показанію, есть *единственная* шайка, которая согласно съ изображеніемъ этой честной и добросовѣстной старой дамы, поѣла ея пирожныя и поглотила ея спиртныя напитки, не потрудившись ей заплатить. *Et hinc illae irae* *)?

„Но каково *есть* точное свидѣтельство Madame Делюкъ? Шайка мошенниковъ пожаловала къ ней въ кабачокъ, всѣ они шумѣли и кричали, ѣли и пили не заплативъ, пошли по той же дорогѣ, что и молодой человекъ съ дѣвушкой, возвратились въ кабачокъ *около сумерекъ*, и пересѣкли рѣку какъ бы въ большой поспѣшности.

„Но эта „большая поспѣшность“, весьма возможно, показалась большой поспѣшностью глазамъ Madame Делюкъ, въ то время какъ она медлительно скорбѣла о своихъ, претерпѣвшихъ такое посягновеніе, пирожныхъ и пивѣ—

*) И отсюда эти гнѣвы?

пирожныхъ и пивѣ, относительно которыхъ она могла еще питать слабую надежду на вознагражденіе. Почему, иначе, разъ было *около сумерекъ*, нужно было бы ей особенно указывать на поспѣшность? По-истинѣ, нѣтъ причины удивляться, что даже и шайка негодяевъ *будетъ торопиться* вернуться домой, когда нужно переѣхать широкую рѣку въ маленькихъ лодкахъ, и надвигается гроза, и *приближается* ночь.

„Я говорю *приближается*; ибо ночь еще не наступила. Было еще только *около сумерекъ*, когда неприличная поспѣшность этихъ „мошенниковъ“ оскорбила честные глаза Madame Делюкъ. Но намъ говорятъ, что въ этотъ самый вечеръ Madame Делюкъ, такъ же какъ старшій ея сынъ, слышала „пронзительные женскіе крики неподалеку отъ кабачка“. Въ какихъ же словахъ Madame Делюкъ описываетъ ту пору вечера, когда были слышимы эти крики? Это было „вскорѣ послѣ того, какъ стемнѣло“, говоритъ она. Но, „если вскорѣ послѣ того, какъ стемнѣло“, то ужъ, конечно же, было *темно*; а „около сумерекъ“, это, конечно, еще дневной свѣтъ. Такимъ образомъ, съ избыткомъ явствуетъ, что шайка покинула Заставу Руль, *прежде*, чѣмъ раздались крики, услышанные (?) Madame Делюкъ. И хотя, во всѣхъ многочисленныхъ слѣдственныхъ отчетахъ упомянутыя выраженія въ точности и неизмѣнно воспроизводятся, какъ я привелъ ихъ во время этой бесѣды съ вами, никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на грубое противорѣчіе, его не замѣтила ни одна изъ газетъ, ни кто либо изъ приспѣшниковъ полиціи.

„Я прибавлю лишь одинъ еще аргументъ противъ *шайки*; но этотъ *одинъ* такого свойства, что, по крайней мѣрѣ на мой взглядъ, вѣскость его совершенно неустранима. Разъ объявлено большое вознагражденіе и полное прощеніе кому-либо изъ свидѣтелей, кто дастъ показанія, нельзя представить даже и на минуту, чтобы какой-нибудь сочленъ *шайки* низкихъ негодяевъ, или другого какого-либо со-

общества людей, не предавъ, уже давно, своихъ соучастниковъ. Каждый изъ шайки, находясь въ такомъ положеніи, не столько подвигнуть жаднымъ желаніемъ получить вознагражденіе, и не столько заботится о томъ, чтобы ускользнуть отъ возмездія, сколько *боится предательства*. Онъ предастъ ревностно и быстро, чтобы *самому не быть преданнымъ*. То обстоятельство, что тайна не была разоблачена, есть наилучшее изъ доказательствъ, что это въ дѣйствительности—тайна. Ужасы этого темнаго дѣла извѣстны лишь *одному*, или двумъ живущимъ человѣческимъ существамъ, и Богу.

„Сведемъ въ цѣлое, скудные, но, однако жъ, достовѣрные плоды нашего долгого анализа. Мы пришли къ мысли, что или роковое событіе произошло подъ кровлей Madame Делюкъ, или убійство было совершено въ чашѣ у Заставы Руль, возлюбленнымъ, или, по крайней мѣрѣ, близкимъ и тайнымъ другомъ умершей. У этого человѣка смуглый цвѣтъ лица. Этотъ цвѣтъ лица, „зацѣпка“ въ перевязи, и „матросскій“ узелъ, которымъ были завязаны ленты отъ шляпы, указываютъ на моряка. Его близкія отношенія съ умершей, веселой, но не отверженной, молодой дѣвушкой, свидѣлствуютъ, что онъ стоитъ ступенью выше, чѣмъ простой матросъ. Въ данномъ случаѣ, хорошо написанныя спѣшныя сообщенія въ газеты являются важнымъ подкрѣпляющимъ обстоятельствомъ. Обстоятельства перваго побѣга, упоминаемая газетой „Le Mercure“, побуждаютъ слить представленія объ этомъ „морякѣ“ съ представленіемъ о „морскомъ офицерѣ“, который, какъ извѣстно, впервые вовлекъ несчастную въ прегрѣшеніе.

„И здѣсь, вполне подходящимъ образомъ, возникаетъ вопросъ о продолжающемся отсутствіи этого человѣка съ темнымъ цвѣтомъ лица. Остановимся на этомъ пунктѣ, чтобы замѣтить, что цвѣтъ лица у этого человѣка темный и смуглый; именно эта необычная смуглость составляетъ

единственный пункт воспоминанія, общій въ памяти Вальянса и Madame Делюкъ. Но почему же этотъ человѣкъ отсутствуетъ? Чтѣ онъ, былъ убитъ шайкой? Если это такъ, почему остались лишь *слѣды* умерщвленной *дѣвушки*? Мѣсто обоихъ преступленій, какъ естественно предположить, одно и то же. Гдѣ жъ его тѣло? Убийцы, по всей вѣроятности, распорядились бы обоими одинаковымъ образомъ. Но можно утверждать, что этотъ человѣкъ живъ, и что ему мѣшаетъ показаться страхъ быть обвиненнымъ въ убійствѣ. Это соображеніе, какъ мы можемъ предположить, могло бы руководить имъ теперь—въ это послѣднее время—послѣ того какъ свидѣтельскими показаніями было установлено, что его видѣли съ Мари—но оно не могло бы имѣть силы въ то время, когда это дѣло было совершено. Первымъ побужденіемъ невиннаго человѣка было бы сообщить о посягновеніи и помочь розыскать негодяевъ. Простая *осмотрительность* внушила бы ему такой поступокъ. Его видѣли съ дѣвушкой. Онъ перѣхалъ съ нею черезъ рѣку на открытомъ паромѣ. Донесеніе на убійцъ даже идиоту показалось бы самымъ вѣрнымъ и прямымъ средствомъ устранить отъ себя подозрѣніе. Мы не можемъ допустить, чтобъ въ эту роковую ночь, въ Воскресенье, онъ сразу былъ невиновенъ и не освѣдомленъ о совершенномъ преступленіи. А лишь при такихъ обстоятельствахъ возможно вообразить, что онъ, будучи въ живыхъ, не донесъ на убійцъ.

„И какія средства есть у насъ достигъ истины? Мы увидимъ, что эти средства умножаются и дѣлаются явственными, по мѣрѣ того какъ мы идемъ впередъ. Просѣдемъ до дна эту исторію перваго побѣга. Разсмотримъ цѣликомъ все, что касается „офицера“, въ связи съ настоящими обстоятельствами и его времяпрепровожденіемъ въ точный періодъ совершенія преступленія. Тщательно сравнимъ одно съ другимъ различныя сообщенія, посланныя въ вечернія газеты и задававшіяся цѣлью обвинить *шайку*.

Сдѣлавши это, сравнимъ эти сообщенія, какъ по стилю, такъ и по почерку, съ сообщеніями, посланными въ утреннія газеты, въ болѣе раннее время, и настаивающими съ такой горячностью на виновности Меннэ. И сдѣлавши все это, сравнимъ опять различныя эти сообщенія съ извѣстными рукописями офицера. Попытаемся повторными разспросами Madame Делюкъ (и ея мальчиковъ, а равно omnibusнаго кондуктора Валянса, разузнать что-нибудь большее о внѣшнемъ видѣ и манерахъ человѣка съ темнымъ цвѣтомъ лица. Разспросы, искусно направленные, не преминутъ извлечь изъ какого-либо даннаго свидѣтеля указаніе на этотъ особый пунктъ (или на другіе)—указаніе, которымъ свидѣтели, быть можетъ, обладаютъ, даже сами того не зная. И прослѣдимъ потомъ лодку, подобранную лодочникомъ, утромъ, въ Понедѣльникъ, 23 Іюня—лодку, которая была взята изъ судовой конторы безъ вѣдома кого-нибудь изъ чиновниковъ, и *безъ руля*, нѣсколько раньше передъ тѣмъ, какъ было найдено тѣло. Съ надлежащей осмотрительностью и упорствомъ мы безошибочно выслѣдимъ эту лодку; ибо не только лодочникъ, который подобралъ ее, можетъ ее признать, но и *руль налицо*. Руль парусной лодки не былъ бы съ легкимъ сердцемъ оставленъ кѣмъ бы то ни было безъ какихъ-либо разспросовъ. И здѣсь, позвольте мнѣ, внушить нѣкоторый вопросъ. О томъ, что была подобрана эта лодка, не было никакого *объявленія*. Она была безмолвно взята изъ судоходной конторы и также безмолвно была удалена. Но какъ это *случилось*, что ея собственникъ, или тотъ, кто ее нанималъ, безъ какого-либо *объявленія* зналъ о мѣстонахожденіи лодки, подобранной въ Понедѣльникъ, въ такое раннее время, какъ утро Вторника, если мы только не предположимъ, что тутъ есть какая-нибудь связь съ флотомъ—какія-нибудь личныя постоянныя отношенія, дающія возможность проникать въ малѣйшіе его интересы—знать малѣйшія мѣстныя новости?

„Говоря объ одинокомъ убійцѣ, влекущемъ свою ношу къ берегу, я уже указывалъ на возможность того, что онъ воспользовался *лодкой*. Мы можемъ понять теперь, что Мари Рожэ *была* брошена въ воду съ лодки, это должно было случиться совершенно естественно. Тѣло не могло быть довѣрено прибрежному мелководу. Особенности отмѣтины на спинѣ и плечахъ жертвы говорятъ о выступахъ на дни лодки. То обстоятельство, что тѣло было найдено безъ подвязанной къ нему тяжести, также подкрѣпляетъ данную мысль. Если-бъ оно было брошено съ берега, тяжесть была бы привязана. Мы можемъ объяснить отсутствіе ея только тѣмъ предположеніемъ, что убійца не позаботился захватить таковую передъ тѣмъ, какъ онъ отчалилъ отъ берега. Когда онъ готовился бросить тѣло въ воду, онъ, конечно, замѣтилъ свой промахъ, но тогда уже ничего не было подъ рукой, чтобы его исправить. Всякій рискъ былъ предпочтительнѣе, нежели возвращеніе къ этому проклятому берегу. Отдѣлавшись отъ своей страшной ноши, убійца долженъ былъ поспѣшить въ городъ. Тамъ, на какой-нибудь темной пристани, онъ долженъ былъ выскочить на берегъ. Но лодка—закрѣпилъ ли онъ ее у пристани? Онъ былъ въ слишкомъ большой торопливости, чтобы еще заботиться о томъ, какъ закрѣпить лодку. Кромѣ того, закрѣпляя ее у пристани, онъ чувствовалъ бы, что онъ какъ будто закрѣпляетъ свидѣтельство противъ самого себя. Его естественной мыслью было бы отбросить отъ себя такъ далеко, какъ только это было возможно, все что имѣло какую-либо связь съ его преступленіемъ. Онъ не только бѣжалъ отъ пристани, но онъ не долженъ былъ позволить *лодке* тамъ оставаться. Конечно, онъ пустилъ ее по теченію.

„Будемъ продолжать наши предположенія.—Утромъ, злосчастный пораженъ неописуемымъ ужасомъ, узнавъ, что лодка была подобрана, и что она находится въ извѣстномъ мѣстѣ, которое онъ каждодневно посѣщаетъ—въ мѣстѣ,

которое, быть можетъ, онъ долженъ часто посѣщать по обязанности. На слѣдующую ночь, *не смѣя спросить руля*, онъ убираетъ лодку. *Гдѣ же* теперь находится эта лодка безъ руля? Да будетъ это первымъ пунктомъ, подлежащимъ нашему разслѣдованію. Съ первымъ точнымъ указаніемъ на нее, мы увидимъ проблескъ, указывающій на зарю успѣха. Эта лодка поведетъ насъ съ быстротою, которая удивитъ даже насъ самихъ, къ тому, кто пользовался ею въ полночь рокового Воскресенья. Одно подкрѣпляющее обстоятельство возникнетъ за другимъ, и убійца будетъ выслѣженъ“.

(По причинамъ, на которыя мы не указываемъ, но которыя покажутся вполне понятными многимъ читателямъ, мы позволили себѣ выпустить изъ рукописей, находящихся у насъ въ рукахъ, описаніе подробностей, *возникшихъ какъ слѣдствіе*, повидимому, ничтожнаго указанія, сдѣланнаго Дюпеномъ. Мы считаемъ надлежащимъ лишь подтвердить вкратцѣ, что желательный результатъ былъ полученъ, и что Префектъ выполнилъ въ точности, хотя и съ неохотой, условія своего договора съ Дюпеномъ. Очеркъ Мистера По заканчивается слѣдующими словами.

— *Издатели*).—(*Примѣчаніе къ Англійскому тексту, когда онъ былъ первоначально напечатанъ въ журналѣ*).

Всѣ поймутъ, что я говорю о совпаденіяхъ, и *ни о чемъ больше*. Того, что я сказалъ о данномъ предметѣ, вполне достаточно. Въ собственномъ моемъ сердцѣ не гнѣздится никакой вѣры въ сверхъестественное. Что природа и ея Богъ суть два, ни одинъ человѣкъ, который думаетъ, не будетъ отрицать. Что послѣдній, создавая первую, можетъ по волѣ провѣрять или видоизмѣнять ее, это также безспорно. Я говорю „по волѣ“; ибо вопросъ есть вопросъ воли, а не могущества, какъ допустила вздорность разсужденія. Не то, что Божество *не можетъ* видоизмѣнять свои законы, нѣтъ, но мы оскорбляемъ его, воображая, возможную необходимость видоизмѣненія. При своемъ воз-

никновеніи, эти законы были созданы обнимающими всѣ случайности, которыя могли бы находиться въ Будущемъ. Для Бога все есть — *Теперь*

Итакъ, я повторяю, что я говорю обо всемъ этомъ лишь какъ о совпаденіяхъ. И далѣе: въ томъ, что я рассказываю, увидятъ, что между судьбою несчастной Мэри Сесили Роджэрсъ, насколько она извѣстна, и судьбою нѣкоей Мари Рожэ, въ извѣстную пору ея жизни, существовала извѣстная параллель, удивительная точность которой смущаетъ разумъ. Я говорю, все это будетъ увидѣно. Но да не будетъ ни на мгновеніе предположено, что, продолжая печальную повѣсть Мари, отъ времени уже указаннаго, и прослѣживая, до ея развязки, тайну ея окутывающую, скрытымъ моимъ намѣреніемъ было указать на расширеніе параллели, или хотя бы даже внушить, что мѣры, принятыя въ Парижѣ для открытія убійцы гризетки, или мѣры, основанныя на какомъ-либо подобномъ умозаключеніи, привели бы къ какимъ-нибудь подобнымъ результатамъ.

Ибо, что касается послѣдняго развѣтвленія предположенія, нужно принять въ соображеніе, что самое незначительное видоизмѣненіе въ фактахъ двухъ этихъ случаевъ могло бы обусловить возникновеніе самыхъ важныхъ невѣрныхъ расчетовъ, совершенно разъединивъ два теченія событій; совершенно такъ же, какъ въ ариметикѣ, одна ошибка, которая, будучи взята сама по себѣ, можетъ быть еле уловимой, создаетъ въ концѣ концовъ, повторностью умноженія во всѣхъ пунктахъ процесса, результатъ чудовищно расходящійся съ истинной. И, что касается перваго развѣтвленія, мы не должны никомъ образомъ забывать, что именно то самое Исчисленіе Вѣроятностей, на которое я указалъ, возбраняетъ всякую мысль о расширеніи параллели:—возбраняетъ, съ строгой и рѣшительной положительностью, какъ разъ въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, поскольку эта параллель уже была продолжена и точна. Это одно изъ аномальныхъ пред-

положеній, которое, взывая, повидимому, къ мысли, находящейся совершенно въ сторонѣ отъ математическаго созерцанія, есть, однако же, такого рода, что лишь математикъ можетъ вполне оцѣнить его. Иѣтъ, напримѣръ, ничего труднѣе, какъ убѣдить обыкновеннаго читателя, что, если въ игрѣ въ кости шесть вышло два раза подрядъ, это достаточное основаніе, чтобы биться на широкую сумму объ закладъ, что шесть не выйдетъ въ третій разъ. Разумъ обыкновенно отбрасываетъ такое внушеніе сразу. Не явствуешь въ данномъ случаѣ, что два хода, которые уже окончились, и которые теперь, безусловно, принадлежать Прошедшему, могутъ вліять на ходъ, который существуетъ только въ Будущемъ. Вѣроятіе, что выйдетъ шесть, по видимости, есть въ точности таковое, какимъ оно было въ любое давнее время—то-есть, оно подвержено только вліянію различныхъ другихъ ходовъ, какіе могутъ быть сдѣланы при игрѣ въ кости. И это есть разсужденіе, которое кажется столь чрезмѣрно очевиднымъ, что попытки опровергать его встрѣчаются болѣе часто съ насмѣшливой улыбкой, нежели съ чѣмъ-нибудь вродѣ почтительнаго вниманія. Ошибку, отсюда происходящую—грубую ошибку, чреватую злыми послѣдствіями—я не могу изобразить здѣсь, въ предѣлахъ, мнѣ означенныхъ; философически же нѣтъ надобности ее изъяснять. Достаточно будетъ сказать здѣсь, что она образуетъ одно изъ безконечнаго ряда заблужденій, которыя возникаютъ на пути Разума, благодаря его наклонности искать истину въ *детали*.